

М. Л. Рио

СЛОВНО МЫ ЗЛОДЕИ

18+

в переводе Екатерины Ракитиной

М. Л. Рио

Словно мы злодеи

ООО "Эвербук"

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84(4Coe)6-4

Рио М.

Словно мы злодеи / М. Рио — ООО "Эвербук", 2017

ISBN 978-5-00-580118-0

Семеро студентов. Закрытая театральная академия. Любовь, дружба и Шекспир. Деллекер-холл – место, в котором остановилось время. Здесь друзья собираются у камина в старом доме, шелестят страницами книг, носят твид и выражаются цитатами из Шекспира. Каждый семестр постановка шекспировской пьесы меняет жизнь студентов, превращает их в злодеев и жертв, королей и шутов. В какой-то момент грань между сценой и реальностью становится зыбкой, а театральные страсти – настоящими, пока наконец не происходит трагедия... Во всем мире продано более 180 тысяч экземпляров книги. Готовится экранизация.

УДК 821.111(73)

ББК 84(4Coe)6-4

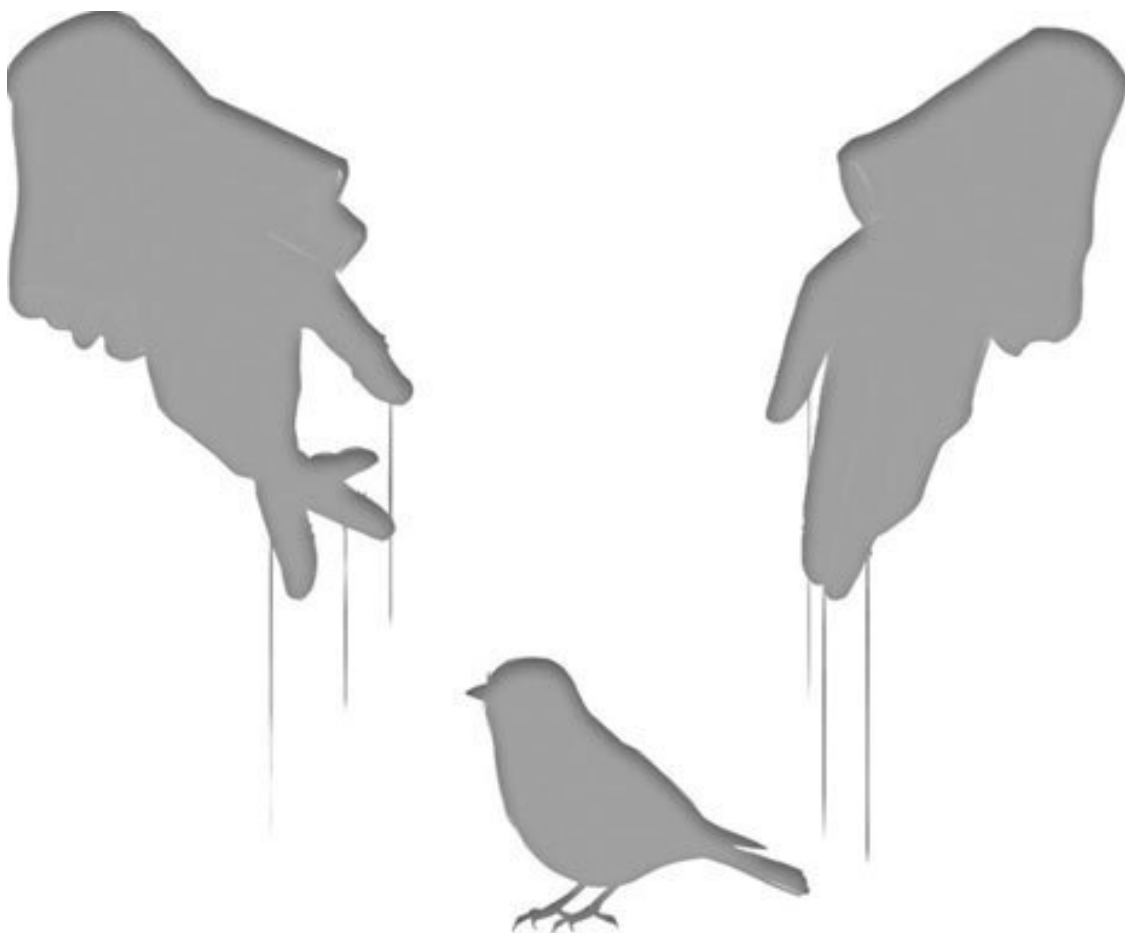
ISBN 978-5-00-580118-0

© Рио М., 2017

© ООО "Эвербук", 2017

Содержание

Акт 1	5
Пролог	5
Сцена 1	8
Сцена 2	13
Сцена 3	17
Сцена 4	19
Сцена 5	22
Сцена 6	25
Сцена 7	28
Сцена 8	30
Сцена 9	32
Сцена 10	35
Сцена 11	38
Сцена 12	42
Акт 2	59
Пролог	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

М. Л. Рио

СЛОВНО МЫ ЗЛОДЕИ

*Множеству странных и чудесных лицедеев, которых мне повезло
называть своими друзьями (клянусь, это не про вас)*

Акт 1

Пролог

Я сижу, прикованный наручниками к столу, и думаю: *«Когда бы не запрет / На разглашение тайн моей темницы, / Поведал бы такое, что любой / Пустяк терзал бы душу»*¹. Охранник стоит у двери, наблюдает за мной, будто ждет, чтобы что-то произошло.

Входит Джозеф Колборн. Он уже начал сесть, ему почти пятьдесят. Раз в несколько недель я с удивлением вижу, насколько он постарел, – а он понемногу стареет, раз в несколько недель, уже десять лет. Он садится напротив меня, скрещивает руки на груди и произносит:

– Оливер.

– Джо.

– Мне сказали, слушания по условно-досрочному прошли в твою пользу. Поздравляю.

– Я бы сказал спасибо, если бы думал, что вы всерьез.

– Ты знаешь, я считаю, что тебе здесь не место.

– Это не значит, что вы считаете меня невиновным.

– Нет.

Он вздыхает, смотрит на часы – все те же, он их носит с тех пор, как мы познакомились, – как будто я ему надоедаю.

– Так почему пришли? – спрашиваю я. – Все с той же подоплекой, дважды в месяц?

Его брови образуют толстую черную линию.

– «Подоплека» – это прям охренеть в твоём духе.

– Ну, можно изъять мальчика из театра, все такое.

Он качает головой со смесью веселья и раздражения.

– И? – говорю я.

– И – что?

– *«Виселища – дело благое. Но чем именно? Это благое дело для тех, чье дело зло»*², – отзываюсь я, решив заслужить его раздражение. – Зачем вы здесь? Пора бы уже понять, что я вам ничего не расскажу.

– Вообще-то, – говорит он, – думаю, на этот раз мне удастся тебя переубедить.

Я выпрямляюсь.

– Как?

– Я уйду со службы. Продался, нашел работу в частной охране. Детям надо образование оплачивать.

Пару секунд я просто таращусь на него. Мне всегда казалось, что Колборна придется усыпить, как злого старого пса, прежде чем он уйдет с поста шефа.

– И как это должно меня переубедить? – спрашиваю я.

– Все, что ты скажешь, будет не для протокола.

– Тогда зачем суетиться?

Он снова вздыхает, и морщины на его лице становятся глубже.

– Оливер, меня не волнует наказание преступника, уже нет. Кто-то отсидел, а при нашей работе такое удовлетворение не часто получаешь. Но я не хочу уйти в отставку и еще десять лет гадать, что именно произошло десять лет назад.

Сперва я молчу. Эта мысль мне нравится, но доверия не вызывает. Я осматриваю мрачные шлакоблоки, крошечные черные видеокамеры, смотрящие вниз из каждого угла, охранника с неправильным прикусом, выставившего вперед нижнюю челюсть. Закрываю глаза, делаю глубокий вдох и представляю себе весеннюю свежесть Иллинойса, представляю, каково будет шагнуть наружу после того, как треть жизни давился затхлым тюремным воздухом.

Когда я, выдохнув, открываю глаза, Колборн пристально на меня смотрит.

¹ У. Шекспир. Гамлет. Акт I, сцена 5. – Здесь и далее цитаты из пьес Шекспира даны в переводе Е. Ракитиной, за исключением особо оговоренных случаев.

² У. Шекспир. Гамлет. Акт V, сцена 1.

– Не знаю, – говорю я. – Я выйду отсюда, так или иначе. Не хочу рисковать, не хочу сюда вернуться. По-моему, надежнее не будить спящих собак.

Колборн беспокойно барабанит пальцами по столу.

– А скажи-ка мне, – говорит он, – бывает, что ты лежишь в камере, смотришь в потолок, пытаешься понять, как ты здесь оказался, и не можешь уснуть, потому что никак не прогонишь воспоминания о том дне?

– Каждую ночь, – без иронии отвечаю я. – Но вот в чем разница, Джо. Для вас это был всего один день, а дальше все пошло как обычно. А для нас – один день и все последующие.

Я подаюсь вперед, опершись на локти, мое лицо оказывается всего в нескольких дюймах от его лица, так что он слышит каждое слово, когда я понижаю голос:

– Вас, наверное, так и жрет изнутри то, что вы не знаете. Не знаете кто, не знаете как, не знаете почему. Но вы и его не знали.

У него странное лицо, как будто его тошнит, словно я вдруг сделался несказанно мерзким и на меня страшно смотреть.

– Ты все это время хранил тайну, – говорит он. – Кто другой с ума бы сошел. Зачем?

– Хотелось.

– И по-прежнему хочется.

У меня за ребрами веско стучит сердце. Тайны тяжелы, как свинец.

Я откидываюсь назад. Охранник смотрит безразлично, как будто мы – чужие люди, говорящие на чужом языке, о чем-то далеком и незначительном. Я думаю об остальных. В кои-то веки о нас. Мы натворили много зла, но оно было необходимо – или так казалось. Годы спустя, оглядываясь назад, я уже не так уверен, что без него нельзя было обойтись, и теперь я думаю вот о чем: смог бы я объяснить все Колборну, все мелкие извивы и, повороты и финальный эксод? Я разглядываю его открытое, ничего не выражающее лицо, серые глаза – от них теперь расходятся гусиные лапки, но смотрят они так же ясно и твердо.

– Хорошо, – говорю я. – Я расскажу. Но вы должны кое-что понять.

Колборн не шевелится.

– Я слушаю.

– Во-первых, я заговорю, только когда выйду отсюда, не раньше. Во-вторых, все это не вернется ни ко мне, ни к кому-либо еще – никакой двойной ответственности. И, наконец, это не извинение.

Я жду от него какого-то отклика, кивка или слов, но он только моргает, молчаливый и неколебимый, как сфинкс.

– Ну что, Джо? – спрашиваю я. – Вы это выдержите?

Он холодно, коротко усмехается:

– Да, думаю, выдержу.

Сцена 1

Время: сентябрь 1997 года, мой четвертый, выпускной курс в Классической консерватории Деллакера. Место: Бродуотер, Иллинойс, в целом незначительный городок. Осень пока стоит теплая.

Входят исполнители. Тогда нас было семеро, семь юных талантов, которых ждало необъятное бесценное будущее, хотя видели мы не дальше книжек у себя под носом. Нас всегда окружали книги, слова, поэзия, все яростные страсти мира, переплетенные в кожу и коленкор. (В том, что случилось, я отчасти виню именно это.) Библиотека Замка была просторным восьмиугольным залом, заставленным вычурной старинной мебелью; вдоль его стен шли книжные полки, убаюкивающее тепло поддерживал внушительный камин, горевший почти постоянно, независимо от температуры снаружи. Часы на каминной полке пробили двенадцать, и мы один за другим заворачивались, как семь оживающих статуй.

– *Глухая полночь*³, – произнес Ричард. Он сидел в самом большом кресле, как на троне, вытянув длинные ноги и поставив пятки на каминную решетку. Три года в роли королей и завоевателей научили его сидеть так на любом стуле, на сцене или вне ее. – А к восьми часам нам должно стать бессмертными.

Он со стуком захлопнул книгу.

Мерedit, свернувшаяся по-кошачьи в углу дивана (в другом, как пес, развалился я), потербила прядь длинных темно-рыжих волос и спросила:

– Ты куда?

Ричард: «Устав от дел, спешу скорей в кровать...»⁴

Филиппа: Не начинай.

Ричард: Рано вставать, все дела.

Александр: Можно подумать, он волнуется.

Рен, сидевшая по-турецки на подушке у огня и не замечавшая, что вокруг нее идет перепалка, сказала:

– Все выбрали фрагменты? Я никак не решу.

Я: Может, Изабеллу? Изабелла у тебя безупречная.

Мерedit: «Мера» – это комедия, бестолочь. Мы прослушиваемся для «Цезаря».

– Не понимаю, зачем нам вообще прослушивания. – Александр, скрючившийся над столом в темной глубине зала, потянулся к бутылке скотча, которая стояла у его локтя. Налил себе, выпил залпом и сморщился, глядя на нас. – Я бы раскидал всю эту хрень хоть сейчас.

– Как? – спросил я. – Я сроду не знаю, кем окажусь.

– Это потому что тебе дают роль в последнюю очередь, – сказал Ричард. – Что останется, то и дадут.

Мерedit цокнула языком:

– Кто мы сегодня? Ричард или Дик собачий?

³ У. Шекспир. Мера за меру. Акт IV, сцена 2.

⁴ У. Шекспир. Сонет 27. Перевод М. А. Финкеля.

– Плюнь на него, Оливер, – сказал Джеймс.

Он сидел один, в самом дальнем углу, не желая отрываться от своего блокнота. На нашем курсе он всегда занимался серьезнее всех, что (возможно) объясняло, почему он был среди нас лучшим актером и (без сомнения) почему его никто за это не презирал.

– Вот. – Александр вытащил из кармана несколько свернутых трубочкой десятков и пересчитал их, разложив на столе. – Здесь пятьдесят долларов.

– За что? – спросила Мередит. – Хочешь приватный танец?

– А ты что, тренируешься для будущей карьеры?

– В жопу меня поцелуй.

– Попроси как следует.

– За что пятьдесят долларов? – спросил я, чтобы их перебить.

Из нас семерых Мередит и Александр ругались больше всех, и пересквернословить другого было для них обоих предметом какой-то извращенной гордости. Дай им волю, они всю ночь не остановятся.

Александр постучал по десяткам длинным пальцем.

– Спорю на пятьдесят долларов, что прямо сейчас перечислю распределение и не ошибусь.

Мы впятером с любопытством переглянулись; Рен по-прежнему хмурилась, глядя в камин.

– Ладно, давайте послушаем, – с усталым вздохом произнесла Филиппа, будто ее одолело любопытство.

Александр откинул с лица непослушные черные кудри и начал:

– Ну, Цезарем явно будет Ричард.

– Потому что мы все втайне хотим его убить? – спросил Джеймс.

Ричард поднял бровь.

– Et tu, Bruté?

– Sic semper tyrannis, – ответил Джеймс, чиркнув ручкой по горлу, как кинжалом. *Так всегда тиранам.*

Александр указал на одного, потом на другого.

– Именно, – сказал он. – Джеймс будет Брутом, потому что он всегда играет хороших, а я – Кассием, потому что всегда играю плохих. Ричард и Рен не могут быть мужем и женой, это был бы изврат, так что она будет Порцией, Мередит – Кальпурнией, а тебе, Пип, опять в травести.

Филиппе, которой роль подобрать было труднее, чем Мередит (*femme fatale*) или Рен (*ingénue*), вечно приходилось переодеваться мужчиной, когда у нас кончались годные женские роли – что в шекспировском театре бывает часто.

– Убейте меня, – сказала она.

– погоди, – вмешался я, наглядно подтверждая гипотезу Ричарда о том, что я в процессе распределения ролей вечно остаюсь не востребованным, – а я тогда кто?

Александр осмотрел меня, прищурившись, провел языком по зубам.

– Скорее всего, Октавий, – постановил он. – Антонием тебя не назначат – не обижайся, но ты просто недостаточно заметен. Им будет этот, невыносимый, с третьего курса, как его?

Филиппа: Ричард Второй?

Ричард: Обхохочешься. Нет, Колин Хайленд.

– Потрясающе. – Я уставился в текст «Перикла», который просматривал, наверное, раз в сотый. Таланта у меня было вдвое меньше, чем у любого из них, и я, казалось, был обречен вечно играть второстепенную роль в чьей-то чужой истории. Сколько раз я спрашивал себя, искусство ли подражает жизни, или все совсем наоборот.

Александр: Пятьдесят баксов на то, что распределение будет именно таким. Забьемся?

Мерedit: Нет.

Александр: Почему?

Филиппа: Потому что так все и будет.

Ричард со смешком поднялся из кресла.

– Будем надеяться.

Он направился к двери, по дороге потянулся и ущипнул Джеймса за щеку:

– *Покойной ночи, милый принц...*

Джеймс отбил руку Ричарда блокнотом и снова нарочито за ним спрятался. Мерedit, эхом отозвавшись на смех Ричарда, произнесла:

– *Ты, когда в сердцах, горячее всех в Италии!*⁵

– *Чума на оба ваши дома*, – пробормотал Джеймс.

Мерedit потянулась – с тихим многообещающим стоном – и оторвалась от дивана.

– В постельку? – спросил Ричард.

– Да. После того, что сказал Александр, всякая работа лишена смысла.

Книги она так и оставила разбросанными на низком столике у камина, а рядом с ними пустой винный бокал с полумесяцем помады у ободка.

– *Доброй ночи*, – сказала она, ни к кому не обращаясь. – Бог в помощь.

Они вдвоем растворились в коридоре.

Я потер глаза, которые уже горели от многочасового чтения. Рен швырнула книгу за спину, через голову, и я вздрогнул, когда та шлепнулась на диван рядом со мной.

Рен: К черту всё.

Александр: Вот это боевой дух.

Рен: Просто прочту Изабеллу.

Филиппа: Просто иди спать.

Рен медленно встала, промаргивая отпечаток огня на сетчатке.

– Наверное, всю ночь буду лежать и повторять монолог, – сказала она.

– Пойдем покурим? – Александр (опять) допил виски и скручивал на столе косяк. – Может помочь расслабиться.

– Нет, спасибо, – ответила Рен, выходя в коридор. – *Спокойной ночи*.

– Как хочешь. – Александр зачесал волосы назад, воткнул косяк в угол рта. – Оливер?

– Если я помогу тебе его скурить, завтра проснусь без голоса.

– Пип?

Филиппа подняла очки на темя и мягко откашлялась, пробуя горло.

– Господи, как ты дурно на меня влияешь, – сказала она. – Ладно, давай.

Он кивнул, уже на полпути из зала, руки в карманы. Я посмотрел им вслед, немного завидуя, потом снова привалился к подлокотнику дивана. Я пытался сосредоточиться на тексте, в котором было такое количество пометок, что он почти уже не читался.

Перикл: *Прощай, Антиохия! Я узнал,*

*Что люди, не стыдящиеся дел
Черней, чем ночь, из кожи лезут вон,
Чтоб доступ к ним был свету прегражден.
Виною порождается вина.*

*Как дым с огнем, кровь с похотью дружна*⁶.

⁵ У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт III, сцена 1.

⁶ У. Шекспир. Перикл. Акт I, сцена 1. Перевод И. Мандельштама.

Я вполголоса пробормотал последние две строки. Я знал их наизусть, знал уже не первый месяц, но меня все равно грыз страх забыть слово или фразу во время прослушивания. Я взглянул на Джеймса, сидевшего в другом конце зала, и спросил:

– Ты никогда не думал, знал ли Шекспир эти монологи так же хорошо, как мы, хоть наполовину?

Он отвлекся от того, что читал, поднял глаза и ответил:

– Все время думаю.

Я изобразил улыбку: меня хоть как-то поддержали.

– Что ж, я сдаюсь. Так ничего и не сделал.

Джеймс посмотрел на часы.

– Я, по-моему, тоже.

Я сполз с дивана и направился за Джеймсом по винтовой лестнице в нашу общую спальню – точно над библиотекой, верхнюю из трех комнат в каменной надстройке, которую обычно называли Башней. Раньше здесь был просто чердак, но в семидесятые паутину и хлам убрали, чтобы освободить место для новых студентов. Двадцать лет спустя здесь поселились мы с Джеймсом: две кровати с синими деллакеровскими покрывалами, два уродских старых шкафа и несколько разномастных книжных полок, слишком неприглядных для библиотеки.

– Думаешь, все выйдет, как говорит Александр? – спросил я.

Джеймс стянул футболку, растрепав волосы.

– По мне, все слишком предсказуемо.

– А когда нас удивляли?

– Фредерик постоянно меня удивляет, – сказал Джеймс. – Но последнее слово будет за Гвендолин, как всегда.

– Дай ей волю, Ричард бы играл всех мужчин и половину женщин.

– А Мередит, таким образом, другую половину. – Он прижал ладони к глазам. – Когда у тебя завтра прослушивание?

– Сразу после Ричарда. А Филиппа после меня.

– А я за ней. Господи, я за нее так переживаю.

– Да, – сказал я. – Удивительно, как она не вылетела.

Джеймс задумчиво нахмурился, выпутываясь из джинсов.

– Ну, она покрепче других. Может, поэтому Гвендолин ее и мучает.

– Просто потому, что она выдержит? – спросил я, сбрасывая одежду кучей на пол. – Жестоко.

Он пожал плечами:

– Это же Гвендолин.

– Если бы решение принимал я, я все сделал бы наоборот, – сказал я. – Александра Цезарем, а Ричарда Кассием.

Джеймс откинул одеяло и спросил:

– А я так и буду Брутом?

– Нет. – Я швырнул в него носок. – Ты – Антоний. В кои-то веки я получу главную роль.

– Ты еще будешь трагическим героем. Просто дождись весны.

Я поднял глаза от ящика комода, в котором копался.

– Фредерик опять делился с тобой секретами?

Джеймс лег и закинул руки за голову.

– Ну, допустим, он упомянул «Троила и Крессида». Ему пришла в голову фантастическая мысль поставить ее как битву полов. Все троянцы – мужчины, все греки – женщины.

– Безумие.

– Почему? Про секс в пьесе не меньше, чем про войну, – сказал Джеймс. – Гвендолин, конечно, захочет, чтобы Ричард был Гектором, но тогда тебе достается Троил.

– А почему вдруг не ты Троил?

Он поворочался, выгнул спину.

– Ну, допустим, я заметил, что хотел бы внести в свое резюме больше разнообразия.

Я уставился на него, не зная, чувствовать ли себя оскорбленным.

– Не надо так на меня смотреть, – сказал Джеймс с оттенком упрека в голосе. – Он согласился, что нам всем не повредит выйти за привычные рамки. Меня достало играть влюбленных дураков вроде Троила, а тебе, уверен, надоело вечно играть второстепенных персонажей.

Я плюхнулся спиной на кровать.

– Да, наверное, ты прав.

Пару секунд я позволил мыслям поблуждать, потом со смешком выдохнул.

– Что смешного? – спросил Джеймс, потянувшись выключить свет.

– Тебе надо играть Крессида, – ответил я. – Ты из нас единственный достаточно хорош собой.

Мы лежали в темноте и смеялись, пока не уснули, и спали крепко; откуда нам было знать, что вскоре поднимется занавес нашей собственной драмы.

Сцена 2

Классическая консерватория Деллакера занимала около двадцати акров на восточной окраине Бродуотера, и границы городка и кампуса так часто накладывались друг на друга, что трудно было понять, где кончается один и начинается другой. Первокурсников селили в застроенном кирпичными домами городском квартале, второй и третий курс толклись в Холле, а горстку четверокурсников распахивали по укромным уголкам кампуса – или предоставляли им самим искать жилье. Мы, четверокурсники театрального, обитали на дальнем берегу озера в постройке, носившей причудливое прозвище Замок (не настоящий замок, небольшое кирпичное здание с башней, когда-то там жили зрители).

Деллакер-Холл, просторный дом из красного кирпича, стоял на крутом холме, отражаясь в темной глади озера. Общежития и танцевальный зал помещались на четвертом и пятом этажах, кабинеты для занятий и преподавателей – на втором и третьем, а первый делили между собой кафетерий, концертный зал, библиотека и зимний сад. С западной стороны к зданию примыкала часовня, а в 1960-е с восточной стороны Холла выстроили для факультета изящных искусств корпус Арчибальда Деллакера (который обычно называли КОФИИ). С Холлом его соединяли небольшой дворик и сеть мощеных дорожек. В КОФИИ находились Театр Арчибальда Деллакера и репетиционный зал, следовательно, там мы проводили большую часть времени. В восемь утра в первый день занятий там было исключительно тихо.

Мы с Ричардом вышли из Замка вместе, хотя у меня прослушивание было назначено только через полчаса.

– Ты как? – спросил он, когда мы взбирались по крутому склону на лужайку.

– Нервничаю, как всегда.

Неважно, сколько прослушиваний было у меня позади; тревожиться я так и не перестал.

– Повода нет, – сказал Ричард. – Ты никогда не бываешь настолько плох, как думаешь. Просто поменьше переминайся с ноги на ногу. Ты интереснее, когда стоишь неподвижно.

Я нахмурился.

– В смысле?

– В смысле, когда забываешь, что стоишь на сцене, и забываешь нервничать. Ты на самом деле слушаешь других, на самом деле слышишь текст, как в первый раз. Работать с этим замечательно, а смотреть со стороны – наслаждение.

Он покачал головой, увидев мое смятение.

– Не надо было тебе этого говорить. Не робей.

Он хлопнул меня огромной ручищей по плечу, а я так растерялся, что качнулся вперед, коснувшись пальцами росистой травы. Громкий хохот Ричарда гулко отозвался в утреннем воздухе, он поймал меня за руку, помогая удержаться на ногах.

– Видишь? – сказал он. – Стой тверже, и все будет отлично.

– Козлина ты, – сказал я, невольно улыбнувшись. (С Ричардом всегда было так.)

Когда мы дошли до КОФИИ, Ричард еще раз весело хлопнул меня по спине и скрылся в репетиционном зале. Я принялся мерить шагами переход за задником, прокручивая в голове слова Ричарда и повторяя про себя «Перикла», словно читал «Богородице».

На первых прослушиваниях семестра решалось, какие роли мы будем играть в осеннем спектакле. В тот год ставили «Юлия Цезаря». Трагедии и хроники оставляли за четвертым курсом, третьекурсники ограничивались романтическими пьесами и комедиями, а все эпизодические роли играли второкурсники. Первокурсники работали за сценой, корпели над общими дисциплинами и пытались понять, во что же это они ввязались. (Студентов, чья работа признавалась неудовлетворительной, каждый год отсеивали – иногда почти половину курса. До четвертого курса можно было дожить благодаря или таланту, или тупому везению. В моем случае сработало второе.) Фотографии курсов за последние пятьдесят лет были вывешены двумя аккуратными рядами на стенах перехода. Наша была последней и, без сомнения, самой сексуальной – рекламная фотография прошлогодней постановки «Сна в летнюю ночь». Мы на ней выглядели моложе.

Это Фредерик придумал поставить «Сон» как пижамную вечеринку. Джеймс и я (соответственно Лизандр и Деметрий) в полосатых боксерах и белых майках разъяренно смотрели друг на друга, а Рен (Гермия в коротенькой розовой ночнушке) была зажата между нами. Филиппа-Елена стояла слева от меня, в голубой ночной рубашке подлиннее, сжимая в руках подушку, которой они с Рен лупили друг друга в третьем действии. В середине фото сплетались, как пара змей, Александр и Мередит, он – злоеший соблазнительный Оберон в облегающем шелковом халате, она – роскошная Титания в откровенных черных кружевах. Но дольше всего взгляд задерживался на Ричарде: он стоял среди других грубых мастеровых в клоунской фланелевой пижаме, и из его густых черных волос торчали огромные ослиные уши. Ник Основа в его исполнении был агрессивным, непредсказуемым и полнейшим психом. Он тиранил фей, мучил остальных актеров, до смерти пугал зрителей и – как всегда – перетягивал одеяло на себя.

Мы всемером пережили три ежегодные «чистки», потому что в каком-то смысле каждый в труппе был незаменим. За четыре года мы превратились из сборища, игравшего эпизоды, в небольшой, тщательно вышколенный драматический ансамбль. Некоторые наши театральные активы были очевидны: Ричард, чистая мощь, почти два метра железобетонной формы, пронзительные черные глаза и приводящий в трепет бас, подавлявший все звуки вокруг. Он играл воителей, деспотов и всех, кто должен был произвести на зрителя впечатление и вселить в него страх. Мередит была как никто создана для соблазнения, воплощенная мечта, упругие изгибы и атласная кожа. Но было что-то безжалостное в ее привлекательности – когда она двигалась, ты смотрел на нее, чтобы ни происходило вокруг, хотел ты этого или нет. (Они с Ричардом с весеннего семестра на втором курсе были «вместе» во всех типичных смыслах.) Рен – двоюродная сестра Ричарда, хотя, глядя на них, никто в жизни бы не догадался, – была инженером, соседской девочкой, хрупким созданием с шелковистыми пшеничными волосами и круглыми глазами фарфоровой куклы. Александр служил нашим штатным злодеем, он был тощий и жилистый, с длинными темными кудрями и острыми собачьими зубами, из-за которых, когда улыбался, походил на вампира.

Филиппа и я классификации не особо поддавались. Она была высокой, с оливковой кожей, неуловимо походила на мальчика. Что-то в ней, крутое и хамелеонистое, позволяло ей одинаково убедительно перевоплощаться и в Горацио, и в Эмилию. Я, напротив, был средненьким во всех отношениях: не особенно красив, не особенно талантлив, не особенно хорош ни в чем, но вполне хорош во всем, что оставалось после других. Я был убежден, что прошел отсев на третьем курсе только потому, что без меня Джеймс делался мрачным и раздражительным.

На первом курсе судьба сдала нам удачные карты, когда выяснилось, что Джеймсу и мне предстоит ютиться вместе в крошечной комнатухе на верхнем этаже общежития. Когда я впервые открыл нашу дверь, Джеймс, который разбирал сумку, поднял глаза, вытянул вперед

руку и сказал: «*А вот и сэр Оливер! Все вам рады*⁷, надеюсь». Он был из тех актеров, в которых все влюбляются, едва они выйдут на сцену, и я исключением не стал. С первых дней в Деллакере я от всех его ограждал и даже начинал ревновать, если кто-то из друзей подходил слишком близко, угрожая захватить мое место как «лучшее», – случалось такое редко, как метеоритный дождь. Некоторым я казался тем, чью роль мне всегда отводила Гвендолин: всего лишь верный товарищ. Джеймс был по самой своей природе настолько героем, что меня это не волновало. Он был из нас самым красивым (Мерedit как-то сравнила его с диснеевским принцем), но еще больше в нем пленяла детская глубина чувства, что на сцене, что в жизни. Три года я наслаждался его безграничной популярностью и неистово им восхищался, без зависти, хотя Фредерик его явно выделял среди прочих, так же как Гвендолин – Ричарда. Конечно, у Джеймса не было ни самомнения Ричарда, ни его норова, его все любили, а Ричарда одинаково яростно ненавидели и обожали.

Мы все обычно оставались на прослушивание того, кто шел за нами (возможность выступить без свидетелей служила компенсацией тому, кого слушали первым), и я беспокойно вышагивал по переходу, желая, чтобы моим зрителем был Джеймс. При Ричарде, даже если он этого не хотел, все робели. Я слышал его голос, доносившийся из репзала, он эхом отдавался от стен:

*Подумайте, к чему вы нас толкнете,
Как пробудите спящий меч войны:
Остерегитесь, просим, бога ради.
Когда поспорят две таких державы,
Кровь хлынет бурно; будет в каждой капле
Безвинной горе, горькие упреки
Тому, чьим злом наточены мечи,*

*Что расточают жизни кратковечность*⁸.

Я уже дважды видел, как он читает этот монолог, но впечатление не ослабевало.

Ровно в половине девятого дверь в репзал со скрипом открылась. В щель выглянуло знакомое лицо Фредерика, морщинистое и забавное.

– Оливер? Мы готовы тебя выслушать.

– Отлично.

У меня заколотилось сердце – затрепетало, как крылья птички, застрявшей между легкими.

Я вошел в репзал, чувствуя себя пустым местом, как всегда. Он был огромным, с высокими сводчатыми потолками, с большими окнами, выходившими на кампус. На окнах висели синие бархатные шторы, собранные пыльными кучами на дощатом полу.

– Доброе утро, Гвендолин, – сказал я, и мой голос отозвался эхом.

Рыжая, худая, как палка, женщина, сидевшая за режиссерским столом, подняла на меня взгляд; казалось, она занимает в зале слишком много места. Из-за вызывающей розовой помады и повязанного на голове шарфа в огурцах она была похожа на какую-то цыганку. В знак приветствия она помахала пальцами, и у нее на запястье забрякали браслеты. Ричард сидел на стуле слева от стола, скрестив руки на груди, и смотрел на меня со спокойной улыбкой. На Главные Роли я явно не годился, поэтому конкурентом считаться не мог. Я широко ему улыбнулся и постарался про него забыть.

– Оливер, – сказала Гвендолин. – Как приятно тебя видеть. Ты похудел?

– Вообще-то наоборот, – ответил я, чувствуя, как заливаюсь жаром.

⁷ У. Шекспир. Как вам это понравится. Акт III, сцена 3.

⁸ У. Шекспир. Генрих V. Акт I, сцена 2.

Перед летними каникулами она посоветовала мне «подкачаться». Я часами вкалывал в спортзале, каждый день, весь июнь, июль и август, надеясь произвести на Гвендолин впечатление.

– Хм, – произнесла она, медленно скользя взглядом от моей макушки к ногам с холодным вниманием работаровца на рынке. – Ладно. Начнем?

– Конечно.

Я вспомнил совет Ричарда, встал потверже и решил без повода не шевелиться.

Фредерик сел рядом с Гвендолин, снял очки и протер их краем рубашки.

– Что ты нам приготовил? – спросил он.

– «Перикла», – ответил я.

Он сам это предложил в прошлом семестре.

Фредерик слегка кивнул с видом заговорщика.

– Замечательно. Начинай, как будешь готов.

Сцена 3

Остаток дня мы провели в баре – полутемной, обшитой деревом забегаловке, где персонал знал большинство студентов Даллекера по именам, принимал поддельные удостоверения личности и не видел ничего странного в том, что некоторым из нас по три года подряд было двадцать один. У четверокурсников прослушивания закончились к полудню, но Фредерику и Гвендолин надо было отсмотреть еще сорок два студента, и – учитывая перерывы на обед и ужин, а также обсуждение – распределение вряд ли могло быть вывешено до полуночи. Мы вшестером сидели в своем обычном закутке в «Свинской голове» (самая остроумная шутка, на которую был способен Бродуотер), копя на столе пустые бокалы. Мы все пили пиво, кроме Мередит, которая пропускала одну водку с содовой за другой, и Александра, глушившего скотч – чистяком.

Пришла очередь Рен ждать в КОФИИ, когда повесят распределение ролей. Мы все уже отдежурили и, если бы она вернулась ни с чем, пошли бы по второму кругу. Солнце село несколько часов назад, но мы продолжали препарировать свои прослушивания.

– Я все завалила, – произнесла Мередит в десятый, наверное, раз. – Сказала «удавила» вместо «подавила», как последняя идиотка.

– В контексте монолога разницы особо нет, – устало отозвался Александр. – Гвендолин, наверное, и не заметила, а Фредерик, наверное, и плевать хотел.

Прежде чем Мередит ответила, в бар ворвалась Рен, сжимая в руке листок бумаги.

– Вывесили! – крикнула она, и все мы вскочили на ноги.

Ричард подвел Рен к столу, усадил ее и выхватил у нее листок. Она уже видела распределение, поэтому позволила задвинуть себя в уголок, пока мы все склонились над столом. Пара секунд жадного чтения про себя, потом Александр снова выпрямился.

– Что я говорил? – Он хлопнул по списку, ткнул пальцем в Рен и заорал: – Трактирщик, дай мне купить этой даме выпить!

– Александр, сядь, осел ты несуразный, – сказала Филиппа, хватая его за локоть и затаскивая обратно за стол. – Ты не всё угадал!

– Всё.

– Нет, Оливер играет Октавия, но еще и Каску.

– Правда? – Я бросил читать, когда увидел черту, соединявшую мое имя с Октавием, поэтому наклонился посмотреть еще раз.

– Да, а я сразу троих: Деция Брута, Луцилия и Титиния.

Она стоически улыбнулась мне, такой же персоне нон грата.

– Зачем они так? – спросила Мередит, помешивая остатки водки и высасывая последние капли из красной соломинки. – Полно же второкурсников.

– Но третий курс ставит «Укрощение», – сказала Рен. – Им понадобится весь наличный народ.

– Колин с ног собьется, – заметил Джеймс. – Смотрите, они его назначили на Антония и Транио.

– Со мной в прошлом году то же самое проделали, – сказал Ричард, как будто мы не знали. – С вами Ник Основа, а с четвертым Актер-Король. Репетировал по восемь часов в день.

Третьекурсников иногда брали в спектакль четвертого курса на роли, которые нельзя было доверить второкурсникам. Это означало, что с восьми до трех у тебя занятия, потом репетиция одного спектакля до половины седьмого, а потом другого до одиннадцати. В глубине души я не завидовал Ричарду и Колину.

– На этот раз не будешь, – сказал Александр с недоброй усмешкой. – Репетировать будешь только половину недели – ты же умрешь в третьем акте.

– Я за это выпью, – сказала Филиппа.

– *О, сколько дураков у ревности в рабах!*⁹ – провозгласил Ричард.

– Ой, заткнись ты, – отозвалась Рен. – Проставься, и, возможно, мы тебя еще какое-то время потерпим.

Ричард поднялся, изрек:

– *Всю свою славу отдал бы за кружку эля!*¹⁰ – И направился к барной стойке.

Филиппа покачала головой и сказала:

– Ах, если бы.

⁹ У. Шекспир. Комедия ошибок. Акт 2, сцена 1.

¹⁰ У. Шекспир. Генрих V. Акт III, сцена 2.

Сцена 4

Мы бросили вещи в Замке и сломя голову понеслись между деревьями, вниз по лестнице с холма, на берег озера. Мы хохотали и орали друг на друга, мы были уверены, что нас не услышат, и слишком навеселе, чтобы об этом беспокоиться. Мостки шли над водой от лодочного сарая, где ржавел набор бесполезных старых инструментов. (Лодки в сарае не держали с тех пор, как Замок превратился в студенческое общежитие.) Много раз теплыми ночами, а бывало, что и холодными, мы сидели на мостках, курили и выпивали, болтая ногами над водой.

Мерedit, которая и форму поддерживала лучше, и бегала быстрее всех, летела вперед, ее волосы развевались, как флаг; до мостков она добралась первой. Остановилась, закинула руки за голову, над ее поясом обнажилась полоска бледной кожи.

– *Как сладко спит луна на берегу!* – Она обернулась и схватила меня за руки, потому что я стоял ближе всех. – *Мы сядем здесь и музыке позволим пролиться в уши: как ночной покой касанию гармонии подходит*¹¹.

Я притворно сопротивлялся, пока она тащила меня к концу мостков, а остальные один за другим скатывались по лестнице и присоединялись к нам. Последним, задышавшись, прибыл Александр.

– Айда купаться голышом! – крикнула Мерedit, на ходу сбрасывая туфли. – Я за все лето так и не поплавала.

– *Как ни скромна, а лишнее потратишь*, – предупредил Джеймс, – *показывая красоту луне*¹².

– Бога ради, Джеймс, какой ты зануда. – Она шлепнула меня туфлей сзади по бедру. – Оливер, пойдешь со мной в воду?

Ее лукавой улыбке я не верил ни капли, поэтому сказал:

– В прошлый раз, когда мы пошли купаться голышом, я упал на мостки в чем мать родила и до утра пролежал мордой вниз на диване, пока Александр у меня из задницы занозы вытаскивал.

Все долго хохотали надо мной, а Ричард длинно присвистнул.

Мерedit: Ну пойдете, кто-нибудь, поплавайте со мной!

Александр: Ты суток в одежде провести не можешь, да?

Филиппа: Если бы Рик ее радовал, она бы не вела себя как шлюха со всеми нами.

Снова смех и свист. Ричард бросил на Филиппу надменный взгляд и произнес:

– *По мне, дама слишком бурно возмущается*¹³.

Она закатила глаза и села рядом с Александром, который сосредоточенно крошил травку в папиросную бумагу.

Я втянул сладкий, пахнувший деревьями воздух и задержал дыхание, насколько мог. После знойного лета в пригороде в Огайо мне не терпелось вернуться в Деллакер, к озеру.

¹¹ У. Шекспир. Венецианский купец. Акт V, сцена 1.

¹² У. Шекспир. Гамлет. Акт I, сцена 3.

¹³ У. Шекспир. Гамлет. Акт III, сцена 2.

Ночами вода была черной, днем – глубокого голубовато-зеленого цвета, как нефрит. Озеро со всех сторон окружал лес, кроме северного берега, там деревья росли реже, и в лунном свете сверкала алмазной пылью полоска белого песчаного пляжа. Мы у себя на южном берегу были достаточно далеко от похожих на светлячков огней Холла, можно было не опасаться, что нас увидят, тем более – подслушают. В то время нам нравилась наша уединенная жизнь.

Мередит откинулась на мостки, закрыла глаза и умиротворенно напевала про себя. Джеймс и Рен сидели на другом краю мостков, глядя на пляж. Александр свернул косяк, зажег его и протянул Филиппе.

– Дунь. Завтра никаких дел, – сказал он; это было не совсем так.

Нам предстоял первый день занятий и общее собрание вечером. Тем не менее Филиппа взяла косяк и сделала длинную затяжку, прежде чем передать его мне. (Мы все позволяли себе по особым случаям, кроме Александра, тот все время был немножко обкуренным.)

Ричард вздохнул с глубочайшим удовлетворением, звук пророкотал у него в груди, как мурлыканье большой кошки.

– Хороший год будет, – сказал он. – Есть ощущение.

Рен: Может, это из-за того, что ты получил роль, которую хотел?

Джеймс: И вполтину меньше текста, чем мы все?

Ричард: Ну, это справедливо, после прошлого-то года.

Я: Ненавижу тебя.

Ричард: Ненависть – самая искренняя разновидность лести.

Александр: Там про подражание, бестолочь.

Некоторые захихикали, у нас все еще приятно гудело в головах. Перебранки наши были беззлобными и обычно безобидными. Мы, как семеро детей в одной семье, провели вместе столько времени, что видели друг друга и с лучшей стороны, и с худшей, и обе нас давно не впечатляли.

– Вы вообще верите, что это наш последний год? – спросила Рен, когда все отсмеялись и уже довольно давно умолкли.

– Нет, – ответил я. – Отец как будто вчера на меня орал за то, что я впустую трачу свою жизнь.

Александр фыркнул.

– И что он тебе сказал?

– «Ты что, откажешься от стипендии в Кейс-Уэстерне и проведешь четыре года накрашившись, в колготках, объясняясь в любви какой-то девице в окне?»

«Школы искусств» уже хватило бы, чтобы вывести из себя моего непреклонно прагматичного отца, но опасная элитарность Деллакера почти всех заставляла поднимать брови. С чего бы умным талантливым студентам терпеть угрозу насильственного исключения в конце каждого учебного года и выпускаться даже без обычной степени, которая дает возможность выжить? Чего не понимало большинство тех, кто жил за пределами странной области консерваторского образования, так это того, что диплом Деллакера был чем-то вроде золотого билета Вилли Вонки – гарантировал обладателю пропуск в элитарные творческие и филологические сообщества, существовавшие вне академической среды.

Мой отец, возражавший против Деллакера упорнее многих, отказался принимать мое решение потратить университетские годы впустую. Актерство само по себе никуда не годилось, но нечто настолько узкое и старомодное, как Шекспир (в Деллакере мы ничем больше не занимались), казалось ему во много раз хуже. Мне было восемнадцать, я был раним и впервые ощутил ни с чем не сравнимый ужас от того, как утекает сквозь пальцы что-то, чего отчаянно хочешь, поэтому отважился сказать отцу, что пойду в Деллакер – или никуда не пойду. Мать убедила его оплатить мое обучение – после нескольких недель ультиматумов и споров, повторявшихся по кругу, – на том основании, что старшая моя сестра вот-вот должна была

вылететь из Университета штата Огайо и только мной теперь можно было похвалиться перед гостями. (Отчего они не возлагали надежд на Лею, младшую и самую многообещающую из нас, осталось загадкой.)

– Хотел бы я, чтобы моя мать так бесновалась, – сказал Александр. – Она так и думает, что я учусь в Индиане.

Мать Александра отдала его на усыновление, когда он был еще совсем маленьким, и едва поддерживала с ним связь. (Все, что она соизволила рассказать ему об отце, это то, что он был то ли из Пуэрто-Рико, то ли из Коста-Рики – она точно не помнила – и понятия не имел о существовании Александра.) Обучение он оплачивал благодаря щедрой стипендии и небольшому состоянию, которое оставил ему покойный дед, просто чтобы позлить свое беспутное дитя.

– Мой отец расстроился, что из меня не вышло поэта, – вступил Джеймс.

Профессор Фэрроу преподавал в Беркли поэтов-романтиков, а его жена, которая была намного моложе мужа (бывшая студентка, такой скандал), сама писала поэзию, пока ее, как Сильвию Плат, не настиг срыв – когда Джеймс учился в выпускном классе. Я познакомился с его родителями позапрошлым летом, когда навещал его в Калифорнии, и мое подозрение, что людьми они были интересными, но родителями незаинтересованными, подтвердилось совершенно недвусмысленно.

– Моим наплевать, – сказала Мередит. – Они заняты ботоксом и уклонением от налогов, а братья заботятся о семейном благосостоянии.

Дарденны жили между Монреалем и Манхэттенем, продавали заоблачно дорогие наручные часы политикам и знаменитостям и относились к единственной дочери скорее как к экзотическому питомцу, чем как к члену семьи.

Филиппа, никогда не говорившая о родителях, промолчала.

– *Побольше, чем родня, но вряд ли близок*¹⁴, – произнес Александр. – Господи, у нас паршивые семьи.

– Ну, не у всех, – ответил Ричард.

У него и Рен на двоих имелись в родителях три опытных актера и режиссер, жившие в Лондоне и часто появлявшиеся в театрах Вест-Энда. Он пожал плечами:

– Наши классные.

Александр выдохнул струю дыма, отбросил косяк.

– Везунчики вы, – сказал он и спихнул Ричарда с мостков.

Тот рухнул в воду с чудовищным всплеском, обдав нас всех водой. Девочки завизжали, прикрывая руками головы, а мы с Джеймсом завопили от неожиданности. В следующую секунду мы все, мокрые насквозь, хохотали и аплодировали Александру, слишком громко, чтобы услышать, как принялся ругаться Ричард, едва его голова снова показалась на поверхности.

Еще с часок мы болтались у воды, потом один за другим стали медленно взбираться обратно к Замку. Я остался на мостках последним. В Бога я не верил, но попросил то, что меня слушало, что бы это ни было, чтобы Ричард нас не сглазил. Хороший год – это все, чего я хотел.

¹⁴ У. Шекспир. Гамлет. Акт I, сцена 2.

Сцена 5

В восемь утра встречаться с Гвендолин было рановато.

Мы сидели неровным кругом, скрестив ноги, как индейцы из детской книжки, зевали и сжимали кружки с кофе, принесенные из кафетерия. Пятая студия – логово Гвендолин, украшенное разноцветными ковриками и заставленное ароматическими свечами, – находилась на пятом этаже Холла. Пристойной мебели здесь не было, вместо этого на полу валялось изрядное количество подушек, из-за которых соблазн вытянуться и поспать только усиливался.

Гвендолин прибыла, как всегда, на пятнадцать минут позже («Стильное опоздание», – всегда говорила она нам), закутанная в шаль с блестками, на пальцах у нее сверкали золотые кольца, массивные, как кастет. Она сияла ярче бледного утреннего солнца за окном, и смотреть на нее было почти больно.

– Доброе утро, дружочки, – прощепетала она.

Александр замычал в знак приветствия, остальные промолчали. Гвендолин остановилась, нависла над нами, упершись руками в костлявые бедра.

– Нет, это стыдобища. Первый день занятий – у вас должны глаза гореть, хвост пистолетом!

Мы таращились на нее, пока она не вскинула руки и не скомандовала:

– Подъем! Начали!

Следующие полчаса были посвящены нескольким болезненным позам йоги. Для женщины на седьмом десятке Гвендолин была пугающе гибкой. Когда минутная стрелка подошла к девяти, она распрямилась из позы царя голубей с пылким вздохом, от которого неловко стало, скорее всего, не только мне.

– Разве так не лучше? – спросила она. Александр снова замычал. – Уверена, вы все лето по мне скучали, – продолжила Гвендолин, – но у нас будет куча времени на рассказы после собрания, поэтому сейчас я бы хотела сразу приступить к делу и дать вам понять, что в этом году все будет немного не так, как раньше.

Аудитория (все, кроме Александра) впервые проявила признаки жизни. Мы поерзали, выпрямились и стали слушать всерьез.

– До сих пор вы были в безопасной зоне, – сказала Гвендолин. – И мне кажется, будет честно предупредить вас, что эти дни в прошлом.

Я искоса посмотрел на Джеймса, тот нахмурился. Непонятно было, то ли Гвендолин опять проявляет свою драматическую натуру, то ли и в самом деле собирается что-то изменить.

– Вы меня уже неплохо узнали, – сказала она. – Вы знаете, как я работаю. Фредерик будет вас целыми днями уговаривать и упрашивать, но я – толкач. Я все время вас толкала, но, – она подняла палец, – не слишком сильно.

Я не мог с ней согласиться. Методы преподавания Гвендолин применяла безжалостные, и студенты нередко уходили с ее занятий в слезах. (Актеры как устрицы, объясняла она, когда кто-то хотел понять причину такого жесткого давления. Надо расколоть ракушку и вскрыть их, чтобы извлечь бесценную жемчужину.) Она продолжала:

– Это ваш выпускной курс, и я собираюсь толкать вас со всей силой, какую придется приложить. Я знаю, на что вы способны, и будь я проклята, если не вытащу это из вас до тех пор, пока вы отсюда не уйдете.

Мы снова встревоженно переглянулись, на этот раз с Филиппой.

Гвендолин поправила шаль, пригладила волосы и спросила:

– А теперь кто мне скажет, что больше всего мешает хорошей актерской игре?

– Страх, – ответила Рен.

Это было одной из многих мантр Гвендолин: на сцене надо быть бесстрашным.

– Да. Страх чего?

– Уязвимости, – сказал Ричард.

– Именно, – отозвалась Гвендолин. – Мы всегда играем только пятьдесят процентов персонажа. Остальное – это мы сами, и мы боимся показывать, кто мы на самом деле. Боимся выглядеть глупо, если проявим чувства во всю силу. Но в мире Шекспира перед страстью невозможно устоять, ее не стесняются. Итак! – Она хлопнула в ладоши, и от этого звука мы все вздрогнули. – С этого дня изгоняем страх. Если вы прячетесь, хорошей работы не будет, так что вытаскиваем наружу все уродство. Кто начнет?

Несколько секунд мы сидели в изумленном молчании, потом Мередит сказала:

– Я.

– Прекрасно, – ответила Гвендолин. – Встань.

Пока Мередит поднималась, я смотрел на нее с тяжелым сердцем. Она стояла посреди нашего кружка, переминаясь с ноги на ногу, пока не обрела равновесие, и убирая волосы с лица за уши – она всегда так делала, когда надо было собраться. У нас у всех были свои приемы, но не у многих это выглядело так естественно.

– Мередит, – сказала Гвендолин, с улыбкой глядя на нее. – Наша морская свинка. Дыши.

Мередит закачалась из стороны в сторону, словно под ветерком, закрыв глаза и слегка приоткрыв рот. Наблюдение за ней странным образом расслабляло (и в то же время было странно чувственным переживанием).

– Так, – сказала Гвендолин. – Готова?

Мередит кивнула и открыла глаза.

– Вот и славно. Начнем с чего-нибудь простого. В чем ты сильнее всего как актриса?

Мередит, всегда такая уверенная в себе, колебалась.

Гвендолин: Сильнее всего.

Мередит: Мне кажется...

Гвендолин: Никаких «кажется». В чем ты сильнее всего?

Мередит: Думаю...

Гвендолин: Мне неинтересно, что ты думаешь, я хочу услышать, что ты знаешь. Плевать мне, если это прозвучит самодовольно, мне важно, в чем ты сильна, и ты как актриса должна уметь об этом сказать. В чем ты сильнее всего?

– Я телесная! – сказала Мередит. – Я все чувствую телом и не боюсь этим пользоваться.

– Не боишься пользоваться, но боишься сказать, что на самом деле имеешь в виду!

Гвендолин почти кричала. Я переводил глаза с нее на Мередит и обратно, напуганный тем, как быстро все накалилось.

– Ты ходишь вокруг да около, потому что мы все на тебя палимся, – сказала Гвендолин. – Давай, выкладывай. Говори.

Небрежное изящество Мередит как ветром сдуло, она стояла, сдвинув ноги и неподвижно держа руки по швам.

– У меня потрясающее тело, – сказала она. – Потому что я на него пашу как проклятая. Мне нравится так выглядеть и нравится, когда на меня смотрят. Это придает мне магнетизм.

– Не поспоришь, придает. – Гвендолин смотрела на нее, улыбаясь, как Чеширский Кот. – Ты красивая девочка. Говоришь как стерва, но знаешь что? Чистую правду. И, что еще важнее, говоришь честно. – Гвендолин ткнула в Мередит пальцем. – Это было честно. Молодец.

Филиппа и Александр заерзали, избегая взгляда Мередит. Ричард глядел на нее, будто хотел прямо здесь сорвать с нее одежду, а я и не знал, куда смотреть. Она кивнула и пошла было на место, но Гвендолин сказала:

– Мы не закончили.

Мередит застыла.

– Ты определила, в чем твоя сила. Теперь я хочу услышать о твоих слабостях. Чего ты больше всего боишься?

Мередит смотрела на Гвендолин тяжелым взглядом, но та, к моему удивлению, не нарушала молчания. Мы все ежились на полу, посматривая на Мередит со смесью сочувствия, восхищения и смущения.

– У всех есть слабости, Мередит, – сказала Гвендолин. – Даже у тебя. Самое сильное, что можно сделать, это признать их. Мы ждем.

Воцарилось мучительное молчание, Мередит стояла совершенно неподвижно, в ее глазах пылало кислотно-зеленое пламя. Она была так обнажена, что один взгляд на нее казался вторжением, извращением, и я давил в себе желание заорать, чтобы она хоть что-нибудь, мать ее, сказала.

– Я боюсь, – очень медленно произнесла она, промолчав, по ощущению, год, – что красоты у меня больше, чем таланта или ума, и что из-за этого меня никто не примет всерьез. Как актрису и как человека.

И снова мертвая тишина. Я заставил себя опустить глаза, оглядел остальных. Рен сидела, зажав рот рукой. Выражение лица Ричарда смягчилось, как никогда прежде. Филиппу, казалось, подташнивало; Александр старался подавить нервную улыбку. Джеймс, сидевший справа от меня, вглядывался в Мередит с острым, оценивающим интересом, как в статую, в скульптуру, во что-то, чему тысячу лет назад придали подобие языческого божества. Разоблачение Мередит вышло жестким, завораживающим и каким-то образом исполненным достоинства.

Как бы дико это ни было, как бы ни сбивало с толку, я понял, что Гвендолин хотела именно этого.

Она так долго смотрела Мередит в глаза, что, казалось, время остановилось. Потом с силой выдохнула и сказала:

– Хорошо. Садись. Вон там.

Колени Мередит механически подломились, и она опустилась в центр круга, с прямой спиной, негнувшаяся, как доска в заборе.

– Ладно, – сказала Гвендолин. – Давайте поговорим.

Сцена 6

После часового допроса, который Гвендолин устроила Мередит, пытаясь, что именно той в себе не нравится (список оказался длиннее, чем я мог представить), нас распустили, пообещав, что в ближайшие две недели мы все подвергнемся такому же суровому испытанию.

Когда мы спускались на третий этаж и вокруг нас толклись второкурсники, спешившие в зимний сад, меня нагнал Джеймс.

– Это было бесчеловечно, – вполголоса сказал я.

Мередит шла в паре шагов перед нами, Ричард обнимал ее за плечи, но она этого будто не замечала. Она решительно двигалась вперед, стараясь не встречаться ни с кем глазами.

– Ну, – прошептал Джеймс, – это Гвендолин.

– Не думал, что когда-нибудь это скажу, но жду не дождусь, когда меня на два часа запрут на галерею.

Гвендолин занималась с нами более чувственными составляющими актерского ремесла – голосом и телом, главенством сердца над разумом, – а Фредерик преподавал сокровенные особенности шекспировского текста, всё от стихотворного размера до истории раннего Нового времени. Как существо книжное и зажатое, я безусловно предпочитал занятия Фредерика урокам Гвендолин, но выяснилось, что у меня аллергия на мел, которым он писал на доске, и большую часть времени в галерее я проводил, чихая.

– Пошли, – тихо сказал Джеймс, – пока Мередит не заняли наш стол.

(Филиппа родила это название в конце второго курса, когда наша парочка свежих влюбленных была несноснее всего.) Когда мы проходили мимо них на лестнице, выражение лица у Мередит было по-прежнему отсутствующее. Что бы там ни говорил Ричард, чтобы ее утешить, это не помогло.

Фредерик предпочитал проводить занятия с четверокурсниками в галерее, а не в аудитории, которую приходилось использовать с более многочисленными вторым и третьим курсами. Галерея была узким помещением с высокими потолками; когда-то оно тянулось вдоль всего третьего этажа, но, когда открылась школа, его бесцеремонно поделили на мелкие комнатки и студии. Длинная галерея превратилась в Короткую галерею протяженностью едва ли в двадцать футов, вдоль двух ее стен шли книжные полки и висели портреты давно покойных кузенов и отпрысков семейства Деллакер. Под затейливым лепным потолком стояли друг напротив друга диванчик на двоих и низкая софа, а у окна с ромбовидной раскладкой на южной стороне комнаты, в лучах света, располагались круглый столик и два кресла. Каждый раз, когда мы пили с Фредериком чай (а это случалось дважды в месяц, когда мы учились на третьем курсе, и ежедневно во время занятий на четвертом), Джеймс и я устремлялись к столику. Он стоял дальше всего от зловерной меловой пыли, и из-за него открывался сверкающий вид на озеро и леса вокруг, на коническую крышу Башни, сидевшую на вершушках деревьев, как черная картонная шляпа.

Когда мы вошли, Фредерик был уже на месте, выкатывал доску из дурацкого чуланчика, втиснутого между книжной полкой и безносим бюстом Гомера в дальнем конце Галереи. Я чихнул, а Джеймс сказал:

– Доброе утро, Фредерик.

Фредерик повернулся от доски.

– Джеймс, – сказал он. – Оливер. Как славно, что вы оба вернулись. Довольны распределением?

– Безусловно, – сказал Джеймс, но в его голосе прозвучала печальная нотка, которая меня озадачила.

С чего бы ему расстраиваться, он играет Брута. Потом я вспомнил его слова, сказанные позавчерашней ночью, о том, что ему хотелось бы больше разнообразия в резюме.

– Когда начинаем репетировать? – спросил он.

– В воскресенье, – подмигнул Фредерик. – Мы решили, надо дать вам недельку, чтобы вернуться в колею.

Четвертый курс жил без присмотра в Замке и был печально известен склонностью к излишествам, поэтому предполагалось, что четверокурсники с театрального в начале учебного года должны устроить что-то вроде вечеринки в честь возвращения. Мы наметили ее на пятницу. И Фредерик, и Гвендолин, и, наверное, даже декан Холиншед об этом знали, но делали вид, что и не подозревают.

Ричард и Мередит наконец зашли в Галерею, и мы с Джеймсом поспешили бросить вещи на столик. Я снова чихнул, вытер нос чайной салфеткой и уставился в окно. Кампус был залит солнцем, озеро легко зыбилось под ветром. Ричард и Мередит сели на диванчик, оставив софу Александру и Филиппе. О том, чтобы потесниться и освободить место для Рен, которая (очаровательно, как ребенок, с нетерпением ждущий сказки) предпочитала сидеть на полу, они уже давно не заботились.

Фредерик разливал на буфете чай, и в комнате, как всегда, пахло мелом, лимоном и Цейлоном. Наполнив восемь чашек – чаепитие у Фредерика на занятиях было обязательным; мед поощрялся, молоко и сахар проносились контрабандой, – он повернулся к нам и сказал:

– С возвращением.

Он мерцал над нами, как маленький ученый Санта-Клаус.

– Мне очень понравились ваши вчерашние этюды, и я с нетерпением жду, когда мы снова начнем работать в этом семестре.

Первую чашку он передал Мередит, та передала ее Ричарду, а тот Джеймсу, и так далее, пока она не оказалась в руках у Рен.

– Четвертый курс. Год трагедии, – величественно произнес Фредерик, когда поднос опустел и у всех в руках было по чашке с блюдцем. (Пить чай из кружек, как он часто нам напоминал, все равно что пить прекрасное вино из пластиковых стаканчиков.) – Я воздержусь от призывов относиться к трагедиям серьезнее, чем к комедиям. По сути можно возразить, что комедия должна быть для персонажей смертельно серьезной, иначе зрителю будет не смешно. Но этот разговор мы отложим до лучших времен.

Он взял с подноса свою чашку, изящно отпил и поставил ее обратно. Фредерик никогда не вел занятия за столом или кафедрой, он медленно прохаживался взад-вперед перед доской.

– Этот год мы посвятим трагическим пьесам Шекспира. Как по-вашему, что станет предметом нашего изучения?

Словно отвечая на его вопрос, я чихнул, и все пару мгновений помолчали, прежде чем предлагать темы.

Александр: Источники.

Филиппа: Структура.

Рен: Система образов.

Мередит: Конфликт, внутренний и внешний.

Я: Судьба и свобода воли.

Джеймс: Трагический герой.

Ричард: Трагический злодей.

Фредерик поднял руку, останавливая нас.

– Хорошо. Да, – сказал он. – Все перечисленное. Разумеется, мы коснемся всех пьес, в том числе «Троила и Крессиды» и остальных проблемных пьес, но начнем мы, естественно, с «Юлия Цезаря». Вопрос: почему «Юлий Цезарь» не хроника?

Первым ответил Джеймс, с присущим ему академическим энтузиазмом:

– Хрониками называются только пьесы, посвященные английской истории.

– Именно, – отозвался Фредерик и снова принялся вышагивать перед доской.

Я шмыгнул носом, помешал чай и откинулся на спинку кресла, чтобы слушать.

– В большинстве трагедий есть элементы истории, но к «хроникам», как и сказал Джеймс, принято относить по-настоящему исторические английские пьесы, и все они названы по именам английских монархов. А еще почему? Что в первую очередь делает «Цезаря» трагедией?

Мои однокурсники с любопытством переглянулись, не желая выдвигать первую гипотезу из опасения ошибиться.

– Ну, – отважился я, когда никто так и не заговорил; нос у меня был заложен, голос прозвучал сипло, – к концу пьесы большинство главных героев погибает, но Рим по-прежнему стоит.

Я замолчал, пытаюсь сформулировать мысль. – Думаю, пьеса скорее о людях, чем о политике. Она однозначно политическая, но, если сравнить ее, не знаю, с «Генрихом VI», где все просто борются за трон, в «Цезаре» больше личного. Он о персонажах, о том, кто они, а не просто о том, у кого власть.

Я пожал плечами, не уверенный, удалось ли мне хоть отчасти объяснить, что я имел в виду.

– Да, думаю, Оливер что-то нащупал, – сказал Фредерик. – Позвольте мне задать еще один вопрос: что важнее – то, что Цезаря убивают, или то, что его убивают близкие друзья?

Вопрос был не из тех, что нуждаются в ответе, так что все промолчали. Фредерик смотрел на меня, вдруг понял я, с гордым отеческим теплом, какое обычно приберегал для Джеймса, который, когда я взглянул на него поверх стола, едва заметно, но ободряюще мне улыбнулся.

– Вот в чем суть трагедии, – сказал Фредерик.

Он обвел нас взглядом, заложив руки за спину, в его очках сверкал полуденный свет.

– Ну что ж. Начнем?

Он повернулся к доске, взял с подноса кусок мела и начал писать.

– Акт первый, сцена первая. Улица. В начале мы видим трибунов и простолюдинов. Как думаете, что здесь важно? Башмачник состязается в остроумии с Флавием и Маруллом и в ходе дальнейших расспросов представляет нашего заглавного героя-тирана...

Мы полезли в сумки за тетрадами и ручками, Фредерик продолжал, и мы записывали почти каждое его слово. Солнце пекло мне спину, горько-сладкий аромат черного чая поднимался в лицо. Я украдкой посматривал на своих однокурсников, которые писали, слушали и временами задавали вопросы, и поражался, как мне повезло оказаться среди них.

Сцена 7

Общее собрание традиционно проходило в усеянном золотыми блестками музыкальном зале 9 сентября, в день рождения Леопольда Деллакера. (Он переехал к северу от Чикаго и построил дом в 1850-х. В школу его превратили только полвека спустя, когда быстро уменьшавшемуся семейству Деллакеро стало не по карману содержать дом.) Если бы старина Леопольд каким-то образом избежал смерти, ему бы как раз исполнилось сто восемьдесят семь. Наверху, в бальном зале, огромный торт с именно таким количеством свечей ждал, когда его нарежут и раздадут студентам и преподавателям после приветственной речи декана Холиншеда.

Мы сидели слева от прохода, в центре длинного ряда, который занимали студенты второго и третьего курсов. Студенты театрального, всегда больше всех шумевшие и больше прочих склонные смеяться, сидели позади инструменталистов и вокалистов (которые держались обособленно, явно намереваясь поддержать стереотипное представление, что они – самые спокойные и самые неприступные среди семи факультетов Деллакера). Танцоры (собрание недокормленных, похожих на лебедей созданий) сидели за нами. С другой стороны от прохода расположились студенты художественного факультета (которых легко было узнать по нестандартным прическам и вечно заляпанной красками и гипсом одежде), лингвисты (которые говорили между собой – а иногда и с другими людьми тоже – почти исключительно на греческом и латыни) и философы (безусловно, самые странные, но еще и самые забавные, привыкшие воспринимать любой разговор как социальный эксперимент и бросавшиеся словами вроде «гилозоизм» и «сопоставимость», как будто любому они понятны как «доброе утро»). Преподаватели сидели на стульях, выставленных длинным рядом на сцене. Фредерик и Гвендолин примостились рядом, как старая супружеская пара, тихонько переговариваясь с соседями. Общий сбор был одним из тех редких моментов, когда все мы сплавливались воедино, море народа, одетое в «деллакеро-синий» – у нас было принято говорить именно так, потому что никому не хотелось называть этот цвет «павлиньим». Разумеется, носить цвета школы нас не обязывали, но почти все были одеты в одинаковые синие свитера с вышитым слева на груди гербом. Семейный герб побольше красовался на штандарте за подиумом – белый андреевский крест в синем поле, длинный золотой ключ и острое черное перо, скрещенные на переднем плане, как мечи. Под ними шел девиз: «Per aspera ad astra». Я слышал разные переводы, но больше всего мне нравился «Через тернии к звездам».

Как всегда, именно это почти сразу сказал общему собранию Холиншед:

– Добрый вечер всем. Per aspera ad astra.

Он явился на сцену из сумрака кулис, и, когда прожектор осветил его лицо, все мы замолчали.

– Начало еще одного года. Присутствующим здесь первокурсникам просто скажу: добро пожаловать, мы рады, что вы с нами. Студентам второго, третьего и четвертого курсов – с возвращением; и поздравляю. – Холиншед выглядел странно: высокий, но сутулый, тихий, но энергичный. У него были большой нос крючком, клочковатые медные волосы и маленькие прямоугольные очки, такие толстые, что глаза увеличивались втрое. – Если сегодня вечером вы

сидите в этом зале, – сказал он, – значит, вас приняли в почтенную семью Деллакера. Здесь вы обретете множество друзей и, возможно, нескольких врагов. Пусть перспектива последнего вас не пугает – если за всю жизнь у вас не появилось врагов, значит, вы жили слишком осторожно. А именно против этого я и хочу вас предостеречь.

Он помолчал, пару секунд пожевав слова.

– Что-то его понесло, – пробормотал Александр.

– Ну, ему приходится по крайней мере раз в четыре года повторять одни и те же речи, – прошептал я. – Я бы его не винил.

– В Деллакере я призываю вас жить смело, – продолжал Холиншед. – Творить, ошибаться и ни о чем не жалеть. Вы оказались в Деллакере, потому что ценили что-то выше денег, выше общепринятых порядков, выше образования, которое можно измерить в цифрах. Я, ни секунды не сомневаясь, говорю вам, что вы незаурядны. Однако, – его лицо помрачнело, – наши ожидания выстроены с учетом вашего огромного потенциала. Мы ожидаем, что вы будете преданными делу. Целеустремленными. Ожидаем, что вы нас потрясете. И мы не любим, когда нас разочаровывают.

Эти слова прогремели на весь зал и повисли в воздухе, как пахучее испарение, невидимое, но явственно ощутимое. Холиншед слишком долго не нарушал непривычную тишину, потом резко отодвинулся от кафедры и произнес:

– Некоторые из вас присоединились к нам в конце эпохи, и, когда вы выпуститесь, вы шагнете не только в новое десятилетие и новый век, но и в новое тысячелетие. Мы собираемся приложить все усилия, чтобы подготовить вас к этому. Будущее обширно, неистово и исполнено обещания, но еще оно ненадежно. Хватайтесь за любую возможность, которая вам подвернется, и держитесь крепче, чтобы ее не унесло обратно в море.

Взгляд его безошибочно остановился на нас, лицедеях четвертого курса.

– *Приливы есть в людских делах – когда / Вода высоко, это путь к удаче*, – сказал он. – *В такое море вошли мы сейчас, / И надо нам ловить течение, или / Впустую все*¹⁵. Дамы и господа, никогда не упускайте момент.

Холиншед мечтательно улыбнулся, потом взглянул на часы.

– И к вопросу об упущенном: наверху стоит огромный торт, который нужно поглотить. Доброго вечера.

И он покинул сцену, прежде чем зал собрался заплодировать.

¹⁵ У. Шекспир. Юлий Цезарь. Акт IV, сцена 3.

Сцена 8

Прошла неделя, прежде чем случилось еще хоть что-нибудь интересное. После занятия у Фредерика (во время которого все обсуждали тонкую грань между гомосоциальностью и гомоэротизмом в печально известной «сцене в шатре» и балансировали между весельем и смущением), мы вместе спускались по лестнице, жалуясь на голод. В кафетерии – некогда служившем парадной столовой семейства Деллакеров – в полдень было полно народу, но наш всегдашний столик оказался свободен и ждал нас.

– Подыхаю как жрать хочу, – объявил Александр, набрасываясь на свою тарелку, хотя мы еще рассестись не успели. – Мне от этого поганого чая в таких количествах нехорошо.

– Может, если бы ты завтракал, все бы обошлось, – сказала Филиппа, с отвращением следя за тем, как он набивает рот картофельным пюре.

Ричард пришел с опозданием, в руке у него был уже распечатанный конверт.

– Почта пришла, – сказал он и сел к столу с краю, между Мередит и Рен.

– Нам всем? – спросил я.

– Полагаю, да, – ответил он, не поднимая глаз.

– Я схожу, – сказал я, и пара человек, когда я встал, пробурчала себе под нос «спасибо».

Почтовые ящики стояли в конце кафетерия, и я сперва отыскивал на стене, составленной из маленьких деревянных ячеек, свое имя. Филиппа была ближе всех ко мне, потом шел Джеймс, а остальные растянулись далеко во все концы алфавита. Во всех ячейках лежали одинаковые прямоугольные конверты, на которых мелким изящным почерком Фредерика были написаны наши имена. Я отнес их к столу и раздал.

– Что это? – спросила Рен.

– Понятия не имею, – ответил я. – Не могут же нам уже раздать задания для промежуточного экзамена по сценречи?

– Нет, – сказала Мередит, уже разорвавшая свой конверт. – Это «Макбет».

Остальные тут же замолчали и принялись вскрывать свои конверты.

В Деллакере каждый год проходило несколько традиционных мероприятий. Пока погода держалась теплая, художники воссоздавали мелками «Звездную ночь» Ван Гога. В декабре лингвисты устраивали чтение «Ночи перед Рождеством» на латыни. Философы каждый январь заново строили свой Корабль Тесея, а в марте проводили симпозиум, вокалисты и инструменталисты давали в День святого Валентина «Дон Жуана», а танцоры в апреле – «Весну священную» Стравинского. Студенты театрального показывали на Хэллоуин сцены из «Макбета», а на рождественской маске – сцены из «Ромео и Джульетты». Первый, второй и третий курс почти не привлекали, так что я понятия не имел, как распределяются роли.

Я сломал печать на своем конверте и вытащил открытку, на которой бисерным почерком Фредерика были начертаны еще пять строк:

*Пожалуйста, будьте у начала тропы без четверти двенадцать
в Хэллоуин.*

Подготовьтесь к сцене 3 акта I и сцене 1 акта IV.

Вы будете играть Банко.

*Явитесь в костюмерную в 12:30 18 октября для примерки костюма.
Не обсуждайте это с однокурсниками.*

Я растерянно смотрел на открытку, гадая, не случилась ли канцелярская ошибка. Снова проверил конверт, но на нем точно было написано «Оливеру». Поднял глаза на Джеймса, понять, не заметил ли он чего-нибудь необычного, но его лицо ничего не выражало. Я ожидал, что при Ричарде-Макбете Банко будет играть он.

– Что ж, – несколько озадаченно произнес Александр. – Надо понимать, мы не должны об этом говорить.

– Нет, – сказал Ричард. – Такова традиция. На рождественской маске так же, мы не должны знать, кто кого играет, до выхода на сцену.

Я и забыл, что он в прошлом году играл Тибальта.

Я пытался что-то понять по лицам девочек. Филиппа, казалось, не удивилась. Рен выглядела взволнованной. Мередит – немного настороженной.

– А репетировать мы вообще не будем? – спросил Александр.

– Нет, – снова отозвался Ричард. – Завтра у тебя в почтовой ячейке будет лежать пьеса с пометками. Потом просто учишь текст и приходишь. Извините.

Он отодвинулся вместе со стулом и вышел из-за стола, не сказав больше ни слова. Рен и Мередит обменялись недоумевающими взглядами.

Мередит: Что с ним?

Рен: Полчаса назад все было в порядке.

Мередит: Ты пойдешь или мне сходить?

Рен: Флаг тебе в руки.

Мередит со вздохом вышла из-за стола, оставив на тарелке половину пастушьего пирога. Александру, доевшему свой, хватило воспитания, чтобы подождать целых три секунды и лишь потом спросить:

– Как думаете, она вернется доест?

Джеймс подтолкнул к нему тарелку:

– Ешь, животное.

Я обернулся. Мередит поймала Ричарда в углу, возле кофеварок, и, нахмурившись, слушала его. Она коснулась его руки, что-то сказала, но он отдернул руку и вышел из кафетерия; его глаза, как тень, омрачало смятение. Мередит смотрела ему вслед, потом вернулась к столу и сказала, что у Ричарда мигрень, он пошел обратно в Замок. Того, что ее тарелка исчезла, она явно не заметила и снова села за стол.

Пока тянулось время обеда, я ел и слушал разговоры остальных – они жаловались на то, сколько текста нужно выучить для «Цезаря» до выхода на сцену без книг через неделю. Конверт тяжелым грузом лежал у меня на коленях. Я смотрел поверх стола на Джеймса. Он тоже молчал, не особенно прислушиваясь к беседе. Я перевел взгляд на Мередит, потом на пустой стул Ричарда и невольно ощутил, что баланс власти каким-то образом сместился.

Сцена 9

Занятия по сцендвижению проходили в репетиционном зале после обеда. Мы вытащили из кладовки потертые синие маты, разложили их на полу и принялись лениво делать растяжку в ожидании Камило. Камило – молодой чилиец, из-за темной бороды и золотой серьги в ухе слегка походивший на пирата, – был у нас постановщиком боев, личным тренером и преподавателем движения. Занятия на втором и третьем курсах отводились танцам, пантомиме, этюдам животных и всей базовой гимнастике, которая может понадобиться актеру. Первый семестр четвертого курса был посвящен рукопашному бою, второй – фехтованию.

Камило пришел ровно в час дня и, поскольку был понедельник, построил нас взвешиваться.

– Ты набрал пять фунтов с начала семестра, – сказал он, когда я встал на весы. Он был доволен тем, чего я добился за лето, даже если Гвендолин этого и не оценила. – Ты придержи-ваешься программы, которую я тебе дал?

– Да, – ответил я; это было в основном правдой.

Предполагалось, что я должен бегать, качаться, хорошо питаться и не слишком много пить. Мы дружно игнорировали продвигаемую Камило политику ответственного употребления алкоголя.

– Хорошо. Продолжай с весами, только не загони себя. – Он склонился ко мне, словно хотел поделиться секретом. – Для Ричарда нормально выглядеть Халком, но у тебя, честно говоря, обмен веществ не тот. Побольше белка, будешь поджарый и опасный.

– Отлично.

Я сошел с весов, освободив место для Александра – он был выше меня, но всегда недо-бирал, потому что курил без остановки и просыпал завтраки. Я посмотрел на свое отражение в длинных зеркалах напротив окон. Подтянулся я неплохо, но хотелось набрать массы, чуть больше мышц. Делая растяжку, я посмотрел на Джеймса, который был из нас самым малень-ким – едва за метр семьдесят пять, стройный, но не худой. В нем было что-то почти кошачье, какая-то первобытная гибкость. (На этюдах животных Камило дал ему леопарда. Он месяц крадучись ходил в темноте по нашей комнате, пока не вошел в роль настолько, что напрыгнул на меня, пока я спал. Следующие полчаса я провел, дожидаясь, когда перестанет колотиться сердце, и заверяя Джеймса, что мой крик ужаса был, да, совершенно искренним.)

– Ричарда сегодня не будет? – спросил Камило, когда Александр сошел с весов.

– Он приболел, – ответила Мередит. – Мигрень.

– Жаль, – сказал Камило. – Что ж, надо продолжать без него.

Он стоял, глядя сверху вниз на нас шестерых, сидевших рядом, как утята, на краю мата.

– На чем мы остановились на прошлой неделе?

Филиппа: На пощечинах.

Камило: Да. Напомните мне правила.

Рен: Убедиться, что стоишь не слишком близко. Смотреть партнеру в глаза. Развернуться, чтобы заслонить место удара-подзвучки.

Камило: И?

Джеймс: Бить только плоской раскрытой ладонью.

Камило: И?

Мередит: Надо продать удар.

Камило: Как?

Я: Убедительнее всего звуковой эффект.

– Отлично, – сказал Камило. – По-моему, мы готовы к чему-то требующему больше силы.

Почему бы нам не изучить удар наотмашь?

Он прочистил горло, похрустел костяшками пальцев.

– Удар наотмашь делается кулаком или открытой ладонью, в зависимости от того, что вам нужно, – отличается от прямого, потому что при нем нельзя пересекать корпус.

– Это как? – спросила Мередит.

– Джеймс, можно тебя? – позвал Камило.

– Конечно.

Джеймс поднялся на ноги и позволил Камило поставить себя в нужное положение; они оказались лицом к лицу. Камило вытянул руку, так что кончик его среднего пальца почти коснулся кончика носа Джеймса.

– Когда наносите удар прямой ладонью, рука должна пройти поперек середины корпуса партнера. – Он провел рукой перед лицом Джеймса, как в замедленной съемке, не дотрагиваясь. Джеймс повернул голову в том же направлении. – Но при ударе наотмашь так делать незачем. Вместо этого моя рука пойдет прямо вверх сбоку от него.

Правый кулак Камило двинулся вертикально вверх от левого бедра, мимо макушки Джеймса.

– Видите? Одним длинным движением по прямой. Даже лицо пересекать не стоит, потому что так можно кому-нибудь расквасить нос. Но на этом всё. Ну что, попробуем на полной скорости? Джеймс, подзвучка на тебе.

– Понял.

Они встретились глазами, и Джеймс слегка кивнул Камило. Рука Камило мелькнула между ними, послышался отчетливый удар, когда Джеймс хлопнул самого себя по бедру и отшатнулся. Все произошло так быстро, что невозможно было поверить, что они друг друга не коснулись.

– Безупречно, – сказал Камило. – Давайте поговорим о том, когда и зачем вам может понадобиться это движение. Кто начнет?

Первой ответила Филиппа. (На занятиях у Камило она часто бывала первой.)

– Раз не надо пересекать тело, можно встать ближе друг к другу. – Она склонила голову набок, переводя взгляд с Камило на Джеймса, как будто перематывала и воспроизводила в уме удар. – Так все становится почти интимным и сильнее поражает – именно из-за интимности.

Камило кивнул.

– Примечательно, насколько театр – и особенно Шекспир – способен снизить в нас чувствительность к виду насилия. Но это не просто сценический прием. Когда Макбету отрубает голову, или Лавинии вырезают язык, или заговорщики омывают руки в крови Цезаря, это должно вас задевать независимо от того, жертва вы, агрессор или просто свидетель. Вы когда-нибудь видели настоящую драку? Она уродлива. Она физиологична. А самое главное – она эмоциональна. На сцене мы должны держать все под контролем, чтобы не причинить вред другим актерам, но насилие должно рождаться от сильного чувства, иначе зритель в него не поверит. – Он обвел нас взглядом и остановился на мне. Под его усами обозначилась улыбка. – Оливер, присоединишься к нам?

– Конечно.

Я поднялся и занял место Камило напротив Джеймса.

– Так, – сказал Камило, положив нам руки на плечи, – все знают, что вы двое дружите, правда?

Мы оба ухмыльнулись.

– Джеймс, ты попробуешь ударить Оливера наотмашь. Не говори ничего вслух, но я хочу, чтобы ты представил, что он должен сделать, чтобы ты его ударил. И не шевели ни единой мышцей, пока не почувствуешь позыв.

Улыбка сползла с лица Джеймса, он смотрел на меня пристальным, неуверенным взглядом, сведя брови к переносице.

– Оливер, а ты сделай наоборот, – сказал Камило. – Представь, что спровоцировал нападение, и, когда оно произойдет, дай чувству ударить себя, пусть кулак тебя и не коснется.

Я растерянно заморгал.

– Когда будете готовы, – сказал Камило и отступил назад. – Не спешите.

Мы стояли неподвижно, уставившись друг на друга. Глаза у Джеймса были яркие, пронзительно-серые, но, стоя настолько близко, я видел вокруг зрачков тонкое золотое колечко. Что-то в его мозгу крутилось, работало – напряглись желваки в углах челюсти, нервно подергивалась нижняя губа. Джеймс, насколько я знал, ни разу по-настоящему на меня не злился. Завороженный странностью происходящего, я совершенно забыл свою часть упражнения и просто смотрел, как растет напряжение, как поднимаются плечи Джеймса, как сжимаются у бедер его кулаки. Он едва заметно коротко мне кивнул. Я знал, чего ждать, но какой-то не ко времени проснувшийся рефлекс заставил меня склониться вперед, податься к нему. Его рука взлетела к моей голове, но я не отреагировал, не сделал подзвучку, не развернулся, просто поморщился, когда меня что-то царапнуло по щеке.

В зале стояла странная тишина. Джеймс нахмурился, глядя на меня, чары вражды рассеялись.

– Оливер? Ты не... Ох! – Он взял меня под подбородок и развернул щекой к себе, потом вытер ее. Кровь. – Боже мой, прости.

Я ухватился за его локоть, чтобы удержать равновесие.

– Нет, все в порядке. Серьезная рана?

Камило отодвинул Джеймса с дороги.

– Давай-ка посмотрим, – сказал он. – Нет, просто царапина. Углом часов задел. Ты как?

– Нормально, – ответил я. – Не знаю, что произошло, я просто задумался и подставился.

Я неловко пожал плечами, внезапно осознав, как на меня таращатся Камило и четверо однокурсников, о которых я напрочь забыл.

– Сам виноват. Не был готов.

Джеймс, которого я не забыл – как его забыть? – стоял, глядя на меня с такой тревогой, что я едва не рассмеялся.

– Да правда, – сказал я. – Все нормально.

Но, возвращаясь на место, я едва не споткнулся, у меня кружилась голова, как будто он на самом деле меня ударил.

Сцена 10

Первая репетиция без текста не задалась.

В тот раз мы впервые вышли на площадку. Театр Арчибальда Деллакера вмещал пятьсот зрителей и был украшен со всей умеренностью барочной оперы. Кресла были обиты тем же синим бархатом, что пошел на большой занавес, а люстра производила такое впечатление, что некоторые зрители, сидевшие на балконе, больше смотрели на нее, чем на сцену. За шесть недель до премьеры ни декораций, ни реквизита еще не было, но место под них было размечено скотчем. Казалось, что стоишь посреди огромного пазла.

Я выучил текст Каски, но Октавием всерьез пока не занимался, поскольку он появляется только в четвертом акте. Скорчившись в третьем ряду, я лихорадочно перечитывал предстоявшие мне монологи, пока Александр и Ричард топтались по тому, что мы начали называть Сценой в Шатре, которая к тому времени представляла собой наполовину спор о военной стратегии, наполовину – ссору любовников.

Джеймс:

*Я так бы Каю Кассию ответил?
Когда Марк Брут такую скупость явит,
Поганых денег другу пожалею,
Готовьте, боги, молнии – его
Порвите!*

Александр: Я тебе не отказал!

Джеймс: Ты отказал!

Александр:

*Нет, просто мой ответ
Дурак принес. Брут сердце мне разбил.
Друг должен другу слабости прощать,
А Брут мои нещадно раздувает.*

Они так долго в ярости смотрели друг на друга, что я повернулся к столику суфлера раньше, чем Джеймс моргнул и произнес:

– Текст.

Я ощутил укол сочувственной неловкости. Ричард, дожидавшийся в кулисе выхода призраком Цезаря, переступил с ноги на ногу и плотнее скрестил на груди руки.

– *Нет, если их не пробовать на мне,* – подала реплику Гвендолин, сидевшая в глубине зала.

По тому, как преувеличенно она подчеркнула ритм, я понял, что она начинает уставать от сбоев.

Джеймс: Нет, если их не пробовать на мне.

*Александр: Не любишь ты меня.
Джеймс:*

*Твои пороки
Я не люблю.*

*Александр: Друг их бы не заметил.
Джеймс:*

*Льстец не заметил бы – пускай они
С Олимп размером!*

Александр:

*Приходи, Антоний,
Октавий молодой, сюда! Отмстите*

*Лишь Кассию – устал от мира Кассий... Текст?
Гвендолин: Любимому не мил...
Александр:*

*Любимому не мил, противен брату,
Изруган как холоп, все, в чем виновен,*

*Записано... Черт. Текст?
Гвендолин: ...затвержено на память...
Александр:
Точно, простите... Затвержено на память,*

*Чтоб в зубы ткнуть. О, вся моя душа
Слезам изойдет!*

Александр протянул воображаемый кинжал (реквизит нам еще не дали) и рванул ворот рубашки.

– *Вот мой кинжал*, – воскликнул он. – *Вот грудь моя открыта, сердце в ней / Дороже копей...* Простите, не то... *Копи Плутоса*. Так? Да мою же мать. Текст?

Он взглянул на столик суфлера, но прежде, чем Гвендолин успела подать ему реплику, из левой кулисы в рабочий свет шагнул Ричард.

– Прошу прощения, – сказал он, и его низкий голос эхом отозвался в почти пустом зале. – Мы всю ночь на эту сцену убьем? Ясно же, что они текста не знают.

В последовавшей за этим тишине я с открытым ртом уставился на Джеймса, боясь обернуться. Они с Александром смотрели на Ричарда с таким негодованием, будто он сказал что-то непристойное, а Мередит застыла, где сидела, на полу в проходе, разминая ногу, чтобы снять судорогу. Рен и Филиппа вытянули шеи, всматриваясь в темноту поверх моего плеча. Я отважился глянуть назад. Гвендолин поднялась с кресла; Фредерик сидел рядом с ней, сложив руки на груди, и хмуро смотрел в пол.

– Ричард, хватит, – резко произнесла Гвендолин. – Отдохни пять минут и не возвращайся, пока не остынешь.

Сперва Ричард не двинулся, словно не понял, потом резко развернулся и, не сказав ни слова, ушел в левую кулису.

Гвендолин посмотрела на Джеймса и Александра.

– Вы двое тоже передохните, перечитайте текст и возвращайтесь готовыми к работе. Вообще – перерыв для всех. Ступайте.

Никто не двинулся с места, и она замахала руками, выгоняя нас из зала, словно стайку не туда забредших цыплят. Я помедлил, пока мимо меня не пронесся Джеймс, потом пошел за ним на погрузочную площадку. Александр уже был там и уже раскуривал косяк.

– Сукин он сын, – сказал Александр. – У него текста вдвое меньше, чем у нас, и хватает же наглости перебивать нас во время первого прогона? Да пошел он.

Он сел, глубоко затянулся, потом передал косяк Джеймсу, который сделал одну короткую затяжку и вернул косяк.

– Не то чтобы ты был неправ, – сказал Джеймс, выдыхая облачко белого дыма. – Но и он не совсем неправ.

Александр бросил на него возмущенный взгляд.

– Ну и ты тогда тоже иди.

– Не дуйся. Мы должны были тверже знать текст. Ричард нам на это указал, только и всего.

– Да, – сказал я. – Но сделал это как полный мудак.

Уголок рта Джеймса подрагивал с обещанием улыбки.

– И то правда.

Открылась дверь, на пороге появилась Филиппа, обхватившая себя руками от ночного холода.

– Эй. Ребят, вы как?

Александр снова глубоко затянулся и приоткрыл рот, так что дым заструился наружу долгим ленивым потоком.

– Длинный вышел вечер, – без выражения в голосе отозвался Джеймс.

– Если вам от этого станет лучше, Мередит только что оторвала Ричарду башку.

– За что? – спросил я.

– За то, что вел себя как придурок, – ответила она, как будто это и так не было очевидно. – То, что она с ним спит, еще не значит, что она не видит, когда он козлит.

Джеймс: Я запутался. Он придурок – или козел?

Филиппа: Честно говоря, по-моему, Ричард может совмещать.

Я: Ну, по крайней мере, ему какое-то время не дадут.

Александр: Да. Класс. От этого ему сразу захочется стать частью команды.

– Вообще-то он извинился, – сказала Филиппа. – Ну, перед Мередит. Сказал, что повел себя глупо и уже жалеет.

– Правда? – спросил Александр, вокруг головы которого вился дым, словно она сейчас вспыхнет. – То есть он не только придурковатый козлино-мудацкий сукин сын, но и уже извинился? – Он бросил косяк на бетон и раздавил его пяткой. – Это просто замечательно, теперь нам и злиться-то не на что. Нет, правда, пошел он.

Он закончил растирать косяк и поднял на нас глаза. Мы стояли вокруг него неровным кольцом, сжав губы и изо всех сил стараясь удержать лица.

– Что?

Филиппа встретила со мной глазами, и мы покатались со смеху.

Сцена 11

*Время для разных людей идет по-разному*¹⁶. Для нас оно шло иноходью, рысью и галопом весь октябрь. (До утра двадцать второго ноября оно не останавливалось, а с тех пор, казалось – по крайней мере, мне, – по-настоящему так и не пошло.)

Мы уже давно перечислили свои сильные и слабые стороны. За Мередит последовал Александр, с некоторой гордостью заявивший, что умеет пугать людей, но признавшийся, что его тревожит, не стал ли он злодеем в истории своей собственной жизни. Рен выхватила обоюдоострый меч: она была в теснейшем контакте со своими эмоциями, но в результате оказывалась слишком чувствительна для артистической среды с настолько высокой конкуренцией. Ричард рассказал нам то, что мы и так знали, – что он несокрушимо уверен в себе, но из-за его эго с ним трудно работать. Филиппа сделала заявление без тени неловкости. Она была разносторонней, но из-за того, что не попадала в «типаж», ей всю жизнь предстояло играть второстепенные роли. Джеймс – он говорил медленно, погруженный в свои мысли, словно не замечая нас, – объяснил, что полностью вовлекается во всех персонажей, которых играет, но иногда не может оставить их в прошлом и выучиться снова быть собой. К тому времени, как пришла моя очередь, мы настолько потеряли чувствительность к неуверенностям друг друга, что, когда я сказал, что на нашем курсе таланта у меня меньше всех, никто, казалось, не удивился. Сильную сторону я найти не смог, в чем и признался, но Джеймс меня перебил:

– Оливер, каждая сцена, в которой ты участвуешь, получается о других. Ты из нас лучший человек и самый щедрый актер, а это, наверное, куда важнее таланта.

Я тут же заткнулся, я был уверен, что он один так считает. Как ни странно, никто не возразил.

16 октября мы расселись на свои обычные места в галерее. Снаружи стоял идеальный осенний день, воспламенивший деревья вокруг озера. Плавающие цвета – золотисто-рыжий, сернистый желтый, артериальный красный – мерцали на поверхности озера вверх ногами. Джеймс выглянул в окно поверх моего плеча и сказал:

– Гвендолин, судя по всему, приставила художников варить бутафорскую кровь, чтобы полить весь берег.

– То-то будет весело.

Он покачал головой, приподняв уголок рта, и скользнул в пустое кресло напротив меня. Я пододвинул к нему чашку с блюдцем, посмотрел, как он поднес чашку к губам, все еще улыбаясь. Из коридора ввалились остальные, и чары ленивого покоя рассеялись в воздухе, как пар.

Официально мы отложили занятия по «Цезарю», перейдя к «Макбету», но знакомые слова «Цезаря» постоянно вертелись у нас на языке с тем же напряженным покаянием. Несколько недель тяжелых репетиций и психологических манипуляций Гвендолин сделали нейтралитет невозможным. В тот день простое обсуждение трагической структуры быстро превратилось в спор.

¹⁶ У. Шекспир. Как вам это понравится. Акт III, сцена 2.

– Нет, я этого не говорил, – сказал Александр посреди занятия, нетерпеливо отбрасывая волосы с лица. – Я сказал, что трагическая структура в «Макбете» буквально в глаза бросается; «Цезарь» по сравнению с ней – телесериал.

Мерedit: Это что еще за хрень?

Фредерик: Мерedit, пожалуйста, выбирай выражения.

Рен, сидевшая на полу, выпрямилась и поставила чашку на блюдце, которое держала между колен.

– Нет, – сказала она. – Я понимаю.

Ричард: Так объясни всем нам, идет?

Рен: Макбет – классический трагический герой, как по учебнику.

Филиппа: Трагический изъясн – честолюбие.

Я (чихаю).

– А леди М – трагический злодей из учебника, – добавил Джеймс, поглядывая на Рен и Филиппу в поисках согласия. – В отличие от Макбета, у нее вообще нет моральных сомнений в убийстве Дункана, и это открывает путь ко всем другим убийствам, которые они совершают.

– Так в чем разница? – спросила Мерedit. – В «Цезаре» то же самое. Брут и Кассий убивают Цезаря и тем обрекают себя на катастрофу.

– Но они ведь не злодеи? – спросила Рен. – Кассий еще может быть, но Брут делает то, что делает, ради блага Рима.

– *Не потому, что я любил Цезаря меньше, но потому, что больше любил Рим*¹⁷, – продекламировал Джеймс.

Ричард нетерпеливо крикнул и спросил:

– В чем суть, Рен?

– В том же, о чем говорю я, – ответил Александр, подавшись вперед и оказавшись на самом краю дивана, так что колени у него поднялись почти к груди. – «Цезарь» – трагедия не той категории, что «Макбет».

Мерedit: А в какой он категории?

Александр: Да я хз.

Фредерик: Александр!

Александр: Простите.

– По-моему, ты слишком усложняешь, – сказал Ричард. – В «Цезаре» и «Макбете» одинаковый расклад. Трагический герой: Цезарь. Трагический злодей: Кассий. Середнячок, ни рыба ни мясо: Брут. Наверное, можно сравнить его с Банко.

– погоди, – сказал я. – А почему Банко...

Но меня перебил Джеймс:

– Ты считаешь, что трагический герой – Цезарь?

Ричард пожал плечами:

– А кто же?

Филиппа указала на Джеймса:

– Ну вот.

– Это должен быть Брут, – сказал Александр. – Из слов Антония в пятой пятого это ясно как день. Твой текст, Оливер, что он говорит?

Я:

*Он римлянин достойнейший из них:
Завидовали Цезарю (чихаю) другие
И потому решились – только он,*

¹⁷ У. Шекспир. Юлий Цезарь. Акт III, сцена 2.

*Забываясь честно о всеобщем благе,
Решился к ним примкнуть*¹⁸.

– Нет, – не уступал Ричард. – Брут не может быть трагическим героем.

Джеймс был обескуражен.

– Да почему нет-то?

Ричард едва не рассмеялся, увидев выражение его лица.

– Потому что у него штук четырнадцать трагических изъянов! – сказал он. – А у героя должен быть только один.

– У Цезаря это честолюбие, как у Макбета, – сказала Мередит. – Все просто. Единственный трагический изъян Брута – то, что он достаточно глуп, чтобы послушать Кассия.

– Как Цезарь может быть героем? – спросила Рен, переводя взгляд с Ричарда на Мередит. – Он умирает в третьем акте.

– Да, но пьеса названа его именем, разве нет? – спросил Ричард, в приливе раздражения говоря на выдохе. – Так во всех других трагедиях.

– Да ладно, – ровным голосом отозвалась Филиппа. – Ты собираешься привести в качестве довода название пьесы?

– Я все еще жду, когда мне назовут эти четырнадцать изъянов, – сказал Александр.

– Я не имел в виду, что их ровно четырнадцать, – натянуто ответил Ричард. – Я имел в виду, что невозможно выделить один, который заставляет его зарезаться.

– А нельзя предположить, что трагический изъян Брута – его непреодолимая любовь к Риму? – спросил я, глядя поверх стола на Джеймса, который, прищурившись, смотрел на Ричарда.

Фредерик стоял у доски, поджав губы, и слушал.

– Нет, – ответил Ричард, – потому что еще у него есть гордость, уверенность в своей непогрешимости, тщеславие...

– Это, по сути, одно и то же, тебе ли не знать. – Голос Джеймса врезался в речь Ричарда и заставил нас всех замолчать.

– Это еще что? – спросил Ричард.

Джеймс стиснул зубы, и я понял, что он не собирался произносить это вслух.

– Ты меня слышал.

– Да, твою мать, слышал, – сказал Ричард, и от холодного лязга в его голосе у меня волосы на загривке встали дыбом. – Я даю тебе возможность изменить сказанное.

– Господа. – Я почти забыл, что с нами Фредерик. Он говорил мягко, негромко, и на мгновение я задумался, не лишится ли он чувств от потрясения. – Довольно.

Ричард, подавшийся вперед, как будто вот-вот вскочит с дивана и набросится на Джеймса, откинулся обратно на подушки. Рука Мередит опустилась ему на колено.

Джеймс отвел взгляд.

– Ричард, прости. Зря я это сказал.

Поначалу лицо Ричарда было пустым, но потом злость ушла, и вид у него сделался понурый.

– Наверное, я это заслужил, – сказал он. – Так и не извинился толком за то, как сорвался на прогоне. Мир, Джеймс?

– Да, конечно. – Джеймс снова поднял глаза, а его плечи чуть опустились от облегчения. – Мир.

После немного неловкой паузы, во время которой я обменялся быстрыми взглядами с Филиппой и Александром, Мередит сказала:

¹⁸ У. Шекспир. Юлий Цезарь. Акт V, сцена 5.

– Просто не верится, что тут только что было. Бога ради, это же просто пьеса.

– Ну, – вздохнул Фредерик и, сняв очки, принялся протирать их краем рубашки. – Дуэли случались и из-за меньшего.

Ричард посмотрел на Джеймса, подняв бровь.

– На мечях за кафетерием на рассвете?

Джеймс: Только если Оливер будет моим секундантом.

Я: *Надеюсь жить – и умереть готов*¹⁹.

Ричард: Хорошо, Мередит может быть моим.

Александр: Спасибо за вотум доверия, Рик.

Ричард засмеялся, судя по всему, все простив. Мы вернулись к обсуждению и продолжали беседу корректно, но я краем глаза наблюдал за Джеймсом. Между нами всегда было некоторое соперничество, но таких проявлений враждебности прежде не случалось. Я глотнул чая и убедил себя, что мы все просто слишком остро отреагировали. Актеры по натуре переменчивы – алхимические создания, сложенные из воспламеняющихся стихий: эмоций, эго и зависти. Нагрей их, перемешай, и иногда получается золото. А иногда катастрофа.

¹⁹ У. Шекспир. Мера за меру. Акт III, сцена 1. Пер. О. Сороки.

Сцена 12

Хэллоуин приближался, как тигр в ночи, с тихим предупреждающим рокотом. Всю вторую половину октября небо было грозное, цвета синяка, и Гвендолин каждое утро встречала нас словами:

– Что за отвратительно шотландская у нас погода!

Зловещий день подбирался все ближе, и было невозможно подавить гул растущего среди студентов волнения. Утром тридцать первого в кафетерии вокруг нас шептались, пока мы наливали себе кофе. Все хотели знать, что сегодня вечером случится на ветреном берегу. Мы и сами слишком нервничали, чтобы сосредоточиться на занятиях, и Камило отпустил нас пораньше, велел «пойти подготовить свои заклинания». Вернувшись в Замок, мы избегали друг друга, расплзлись по углам и бормотали, повторяя текст, как обитатели сумасшедшего дома. Когда настал час колдовства, мы отправились в путь через лес, один за другим.

Ночь стояла тревожно теплая, я с трудом пробирался в темноте по извилистой лесной тропинке, ворсистой, как бархат. Невидимые корни тянулись вверх, чтобы схватить меня за лодыжку, один раз я оступился и упал, и мои ноздри раздулись от сырого запаха надвигающейся бури. Я отряхнулся и пошел дальше осторожнее, сердце у меня билось часто и поверхностно, как у пугливого кролика.

Дойдя до начала тропы, я на мгновение испугался, что опоздал. К моему костюму (штаны, сапоги, рубашка и условно-исторический мундир) не прилагались часы. Я помедлил у края леса, глядя на Холл на вершине холма. Три-четыре окна тускло светились, я подумал, что несколько слишком осторожных студентов не отважились выйти на берег и робко подглядывают из окон. В темноте хрустнула ветка, и я обернулся.

– Кто здесь?

– Оливер? – Голос Джеймса.

– Да, я, – ответил я. – Ты где?

Он появился между двух черных сосен, лицо его в сумраке выглядело белым овалом. Одет он был примерно как я, но на плечах у него поблескивали серебряные эполеты.

– Я надеялся, ты окажешься моим Банко, – сказал он.

– Полагаю, тебя нужно поздравить, Тан Всего.

Мои подозрения подтвердились, и я ощутил легкий укол гордости. Но в то же время зашевелилось нечто пророческое, какая-то неясная тревога. Неудивительно, что Ричард был не рад в день распределения.

Полночь: низкий гул церковных часов прокатился в тихом ночном воздухе, и Джеймс крепко ухватил меня за руку.

– *Вот колокол зовет*, – произнес он, едва слышно, не дыша от волнения. – *Не слышь, Дункан, то по тебе звонят, на небо призывая или в ад*²⁰.

Он выпустил мою руку и исчез в тенях среди подлеска. Я последовал за ним, но держался поодаль, боясь, что снова споткнусь и уроню нас обоих на землю.

²⁰ У. Шекспир. Макбет. Акт II, сцена 1.

Полоса деревьев на северной стороне между берегом и Холлом была густой, но узкой, и вскоре между ветвями стал просачиваться сумрачный оранжевый свет. Джеймс – к тому моменту я уже ясно видел его, по крайней мере его силуэт, – остановился, и я на цыпочках подошел к нему. На берегу толпились сотни людей, одни теснились на стоявших рядами скамьях, другие, сбившись в кучки, сидели на земле, черными тенями вырисовываясь на фоне ярко пылавшего костра. Раскат грома заглушил плеск волн о берег и потрескивание огня. Зрители взволнованно зашептались, когда небо над их головами, окрашенное в зловещий фиолетовый, озарилось белым из-за молнии. Потом на берегу снова смолкли, пока высокий пронзительный голос не выкрикнул:

– Смотрите!

По воде двигалось к берегу нечто черное, длинный округлый купол, вроде горба локнесского чудовища.

– Что это? – выдохнул я.

– Это ведьмы, – медленно произнес Джеймс; свет костра отражался в его глазах красными искрами.

Подобие зверя подползло ближе, постепенно обретая четкость, и я понял, что это перевернутое каное. Судя по тому, насколько корпус возвышался над водой, под ним было достаточно места для воздушного пузыря. Лодка выплыла на мелководье, и на мгновение поверхность озера стала гладкой, как стекло. Потом по ней прошла рябь, содрогание, и из воды поднялись три фигуры. Зрители хором ахнули. Сперва девушки походили скорее на призраки, чем на ведьм, их мокрые волосы гладко липли к лицам, просвечивающие белые платья стекали с рук и ног, вихрями вились за ними. Когда они встали из воды, у них капало с пальцев, а ткань так облепила тела, что я сразу увидел, кто где, хотя они не поднимали лиц. Слева Филиппа, ее длинные ноги и узкие бедра узнавались безошибочно. Справа Рен, маленькая и хрупкая по сравнению с остальными. В середине Мередит, со своими бесстыдными и опасными изгибами под белой сорочкой. У меня в ушах стучала кровь. На какое-то время мы с Джеймсом забыли друг о друге.

Мередит приподняла подбородок, чтобы волосы соскользнули с лица.

– *Встретимся когда втроем?*²¹ – спросила она, и голос ее в душистом воздухе прозвучал низко и сочно. – *В бурю или под дождем?*

– *Как затихнет гром вражды,* – с хитрецей ответила Рен. – *В час победы и беды.*

Голос Филиппы, гортанный и дерзкий:

– *На восход ночной звезды.*

Откуда-то из глубины леса донесся гулкий стук барабана, и зрители поежились от восторга. Филиппа обернулась на звук, точно к началу тропы, где прятались среди теней мы с Джеймсом.

– *Гремит, гремит! Макбет спешит.*

Мередит подняла руки, до того висевшие по бокам, и две другие ведьмы шагнули вперед, чтобы взяться с ней за руки.

Все вместе:

*Злые сестры, чередой
Над землей и над водой
Мчимся, мчимся круг за кругом,
Трижды каждая из нас:
Трижды по три – девять раз.*

²¹ Постановка в честь Хэллоуина собрана из фрагментов разных сцен «Макбета».

Они встали треугольником и вскинули открытые ладони к небу.

– *Стой!* – произнесла Мередит. – *Заклятье свершено.*

Внезапно Джеймс вздохнул, словно до сих пор забывал дышать, и сделал шаг на свет.

– *Гнусней и лучшие дня я не видал,* – сказал он, и все повернулись в нашу сторону.

Я подошел к нему поближе, уже не боясь споткнуться.

– *Эй, Форрес далеко ли?* – сказал я и замер. Три девушки стояли плечом к плечу, глядя на нас. – *Это кто? / Безжизненные и так дики с виду, / Что будто и не жители земли, / Хотя на ней.*

Мы стали спускаться, уже медленнее. За нами следила тысяча глаз, пятьсот пар легких затаили дыхание.

Я: Живые твари или / Вы духи, коих можно вопрошать? / Мне кажется, вы поняли меня...

Джеймс: Скажите, коль умеете.

Мередит согнулась перед нами в глубоком поклоне.

– *Макбета славьте, славься, тан Гламисский!*

Рен опустилась рядом с ней на колени.

– *Макбета славьте, славься, тан Кавдорский!*

Филиппа не двинулась с места, но чистым, звонким голосом произнесла:

– *Макбета славьте, королем он станет!*

Джеймс отшатнулся. Я поймал его за плечо и сказал:

– *Ты вздрогнул? Отчего? Зачем бояться / Того, что сладко слушать?*

Он искоса взглянул на меня, и я нехотя его отпустил. Поколебавшись пару мгновений, я обогнул его и, шагнув с последней песчаной ступеньки, оказался среди ведьм.

Я:

*Правды ради,
Вы – морок или вы на самом деле
То, чем предстали? Друга моего
Вы встретили по чести, вы сулите
Ему и возвышенье, и надежду
Стать королем – заморожен он. Мне же
Ни слова. Если в семенах времен
Вы видите, что прорастет, что нет,
Скажите. Не прошу и не боюсь
Ни милости я вашей, ни вражды.*

Мередит в мгновение вскочила на ноги.

– *Будь славен!* – произнесла она, и остальные девушки отозвались эхом. Она метнулась вперед, подошла слишком близко, ее лицо оказалось почти вплотную к моему. – *Ниже, чем Макбет, и выше.*

Рен возникла у меня за спиной, побарабанила пальцами по моим бокам, поглядывая на меня с плутоватой улыбкой.

– *Не так счастлив, зато куда счастливей.*

Филиппа так и стояла поодаль.

– *Ты не король, но короли твои,* – сказала она; тон ее был безразличным, почти скучающим. – *Так славьте Банко и Макбета все.*

Рен и Мередит продолжали меня оглаживать и похлопывать, перебирая мою одежду, изучая очертания моей шеи и плеч, зачесывая назад волосы. Рука Мередит проследовала до самого моего рта, пальцы обвели нижнюю губу, пока Джеймс – наблюдавший за всем этим и правда в

каком-то замороженном отвращении – не вздрогнул и не заговорил. Девушки резко обернулись к нему, и я зашатался, от утраты их внимания у меня подогнулись ноги.

Джеймс:

*Постойте! Доскажите про меня.
Я – Гламис, раз отец мой Синел умер,
Но я не Кавдор, ибо тан Кавдорский
Живет и благоденствует; а мне
Стать королем – то вне пределов веры.*

Они лишь покачали головами, прижали пальцы к губам и ускользнули обратно в воду. Когда они совсем исчезли в глубине, а к нам по большей части вернулся разум, я обернулся к Джеймсу, в ожидании подняв брови.

– *Твои потомки – короли*, – сказал он.

– *А ты – король.*

– *И тан Кавдорский. Так ведь было?*

– *И музыка такая, и слова.* – За деревьями послышались шаги, и я вскинул голову. – *Кто там?*

До конца сцены оставалось немного, и, когда была не моя очередь говорить, я все время посматривал на воду. Она снова лежала гладко, отражая грозное пурпурное небо. Когда пришло время, я и двое везучих третьекурсников, игравших Росса и Энгуса, ушли вправо, от света костра.

– Мы всё, – шепнул один из них. – Ни пуха.

– К черту.

Я нырнул за сарай на краю песчаного берега. Он был не больше уличного сортира, и, выглянув из-за угла, я видел костер, покоившееся на воде каноэ и полосу песка, на которой теперь стоял в одиночестве Джеймс.

– *Что вижу я перед собой, кинжал? И рукоять ко мне.* – Он зашарил в пустом воздухе перед собой. – *Дай, ухвачу.*

Я совершенно не ожидал, что когда-нибудь услышу от Джеймса этот монолог. Он был слишком незапятнан, чтобы говорить о крови и убийстве, как Макбет, но в алом отсвете костра уже не выглядел прежним ангелом. Наоборот, он был красив угрожающей красотой – таким представляешь себе дьявола.

Джеймс:

*Надежная и твердая земля,
Не слышь моих шагов, боюсь, иначе
Где и зачем я, камни разболтают
И это время ужаса лишат,
Который с ним согласен. Я грожу —
И он живет, словами я стужу
Жар дела. Так вперед, покончим с этим.*

Он еще раз приговорил Дункана, потом прокрался прочь, чтобы встретиться со мной в стороне от света костра, пока зрители, перешептываясь, ждали, когда начнется следующая сцена.

– Что теперь? – спросил я, когда Джеймс подошел достаточно близко.

– По-моему... погоди.

Он отшатнулся, воткнулся в меня.

– Что?

– Геката, – прошипел он.

Прежде чем я даже уловил суть этого слова, из воды вырвался Александр. Пока вокруг него рушилась обратно в озеро вода, зрители повизгивали от изумления. Мокрый насквозь, он был обнажен до пояса, вокруг лица буйно плясали распущенные кудри. Он закинул голову назад и завыл в небо, как волк.

– Воплощенное зло, – сказал я.

Девушки снова появились из воды, но стоило Мередит произнести: *«Что ты, Геката, смотришь так сердито?»* – Александр сгреб ее за шею сзади, плеча во все стороны водой.

– *А нет причины, наглые карги?* – прорычал он. – *Бесстыжие, как вы посмели / Болтать с Макбетом о путях / И тайнах смерти, не шутя?*

Джеймс схватил меня за руку.

– Оливер, – сказал он. – *«Банко в крови, с улыбкой»*.

– Ох. Ох, черт.

Он затащил меня в сарай, дверь за нами предательски скрипнула. Пол сарая был завален веслами и спасательными жилетами, едва оставалось место, где мы могли встать лицом к лицу. На нижней полке нас дожидалось ведро.

– Господи, – сказал я, поспешно расстегивая жакет. – Сколько нам, по их мнению, нужно крови?

– Судя по всему, залиться, – ответил Джеймс, наклонившись, чтобы снять крышку. – А воняет она!..

Сладкий, гниlostный запах заполнил помещение, пока я сбрасывал сапоги.

– Полагаю, надо начислить им очки за правдоподобие.

Рука запуталась в рукаве рубашки.

– Черт, черт, черт, я застрял, да твою мать... Джеймс, помогай!..

– Тише! Давай. – Он распрямился, ухватил мою рубашку за подол и стянул через голову. Я застрял головой в воротнике, ткнулся в Джеймса. – А эти штаны можно кровью поливать? – спросил он, хватая меня за пояс, чтобы я не упал.

– Ну, голышом я не пойду.

Он потянулся за ведром.

– И то. Рот закрой.

Я стиснул губы, зажмурился, и Джеймс вылил мне кровь на голову, что-то вроде извращенного языческого крещения. Когда она полилась по лицу, я заплевался и закашлялся.

– Да что ж это за дрянь такая?

– Не знаю. И не знаю, сколько у тебя времени. – Он схватил меня за голову. – Не шевелись.

Размазал кровь мне по лицу, по груди и по плечам, растрепал пальцами волосы, чтобы они встали дыбом.

– Вот.

Долю секунды Джеймс просто смотрел на меня, и вид у него был пораженный и вместе с тем полный отвращения.

– Как я выгляжу?

– Охрененно, – сказал он, потом толкнул меня к двери. – А теперь иди.

Я, спотыкаясь, вышел из сарая и потрусил между деревьями, ругаясь, когда в мои босые ступни впились острые камешки и сосновые иголки. Страшновато, конечно, было дожидаться полуночи, понятия не имея, кого встретишь в темноте, но задача и сама по себе была непростая. Я знал только свои сцены, так что никак не мог понять, сколько у меня времени, прежде чем нужно будет выйти окровавленным призраком Банко. Меня хлестнула по лицу ветка, но я не остановился и полез на холм, по корням, камням и ползучим растениям. Еще одна царапина на щеке погоды не сделает, я и так весь в крови. Кожа, остывавшая на свежем

ночном воздухе, была липкой на ощупь, сердце снова колотилось – отчасти из-за усилий, требовавшихся, чтобы забраться на тропу, отчасти от боязни, что я пропущу свой второй выход.

Как выяснилось, я добрался до крайних деревьев куда раньше срока. На место я шел медленно и неуклюже, у меня под ногами хрустели прутьи, но зрители напряженно следили за вторым разговором Джеймса с ведьмами и не обратили на меня внимания. Я притаился под низкой веткой, и яркий запах сосны прорезался сквозь густой смрад бутафорской крови на моей коже.

Рен:

*Что-то пальцы запекло —
Значит, на пороге зло.*

Джеймс:

*Эй, черные полуночные ведьмы!
Чем заняты?*

Девушки танцевали вокруг костра, их распущенные волосы были спутаны, к юбкам прилипли зеленые озерные водоросли. Временами то одна, то другая швыряли в костер горсть сверкающей пыльцы, и из пламени вырывались клубы цветного дыма. Я переминался с ноги на ногу в своем укрытии, дожидаясь выхода. В череде видений я шел последним, но какими явятся остальные? Я поискал в толпе зрителей знакомые лица, но было слишком темно, чтобы различить черты. Слева от дома я заметил белокурую голову Колина, а еще в свете костра мерцали медные кудри, которые, по-моему, могли принадлежать Гвендолин. Я не мог не гадать: куда подевался Ричард?

Нечеловеческий пронзительный смех Рен вернул меня на берег.

Мерedit: Скажи!

Рен: Спроси!

Филиппа: Ответ тебе дадим.

Мерedit:

*Нас выслушаешь – или тех, кому
мы служим?*

Джеймс: Пусть являются, зовите.

Голоса девушек слились в высоком нестройном напеве. Джеймс смотрел на них с задумчивым сомнением.

Мерedit:

*Лейте кровь свиньи, что съела
Девять поросят, все в дело,
И убийцы смертный пот...*

Все вместе:

*Низший, высший, да придет,
Все расскажет в свой черед!*

Филиппа бросила что-то в огонь, и пламя заревело, взметнувшись выше их голов. Над берегом разнесся голос, необъятный и ужасающий, как первобытное божество. Ричарда не узнать было нельзя:

– *МАКБЕТ. МАКБЕТ. МАКБЕТ. СТРАШИСЬ МАКДУФА.*

Его не было видно, но его голос давил на нас со всех сторон, был таким громким, что рокотал у меня в костях. Джеймс встревожился не меньше моего, он запинаясь, когда начал говорить:

– *Кто б ни был ты, спасибо за совет. / Струну боязни он во мне затронул, но молви...*

Ричард оглушительно перебил его:

– *Будь дерзок, смел, кровав. Не знай препон.*

*Никто из тех, кто женщиной рожден,
Не повредит Макбету.*

Джеймс: Тогда живи, Макдуф: ты мне не страшен.

Ричард:

*Будь горд, как лев, не помышляй о том,
Где строят козни и кто пьет злом:
От всех врагов Макбет храним судьбой,
Пока Бирнамский лес не выйдет в бой
На Дунсинанский холм.*

Джеймс:

*Не быть тому!
Стволы не сдвинуть с места никому.
Их не наймешь, как войско. Я воскрес!
Спи, бунт, пока стоит Бирнамский лес.
Ликуй, Макбет! В сиянии венца
Земным путем пройдешь ты до конца,
Назначенного смертным. Но одно
Скажите мне, коль все вам знать дано:
Воссядет ли на трон державы нашей
Род Банко?*

Ведьмы закричали все вместе: *Не стремись узнать об этом!*

Джеймс: Я должен знать! Посмейте отказать мне,

И я вас прокляну навек!

Все вместе:

*Явитесь!
Сердце честолюбца раньте
И во тьму обратно каньте!*

С задних рядов поднялись восемь фигур, закутанных в плащи. Девушка, сидевшая с ними рядом, удивленно взвизгнула. Они скользнули в центральный проход и начали спускаться

(«Тоже третьекурсники?» – задумался я), а Джеймс смотрел на них расширенными от ужаса глазами.

– *Хватит!* – произнес он. – *Иль эту цепь прервет лишь Страшный суд?*

Сердце скакнуло мне в горло. Я второй раз вышел на свет, на моей коже блестела кровь. Джеймс ахнул, подняв на меня глаза, и все зрители разом повернулись. В тишине затрепетали сдвоенные крики.

– *Ужасный вид*, – слабым голосом выговорил Джеймс. Я снова начал спускаться по ступеням, подняв руку, чтобы указать на восемь фигур и присвоить их. – *Но это правда: Банко, / В крови, с улыбкой кажет мне на них, / Как на своих.*

Я опустил руку, и они исчезли, растворились в тенях, как будто никогда не существовали. Мы с Джеймсом стояли в десяти футах друг от друга перед костром. Я блестел алым, жуткий и окровавленный, как новорожденный младенец, а лицо Джеймса было призрачно-бело.

– *Неужели это так?* – произнес он, как мне показалось, обращаясь ко мне. Повисла странная набухающая тишина. Мы оба склонились вперед, оставаясь на месте, дожидаясь, чтобы что-то произошло. И тогда между нами шагнула Мередит.

– *Да, это так*, – сказала она, и Джеймс отвел от меня глаза. – *Но почему / Макбет так мрачен, не пойму?*

Он позволил увести себя обратно к костру и к соблазнительному вниманию ведьм. Я поднялся по ступеням, остановился наверху и замер, как преследующий его призрак. Его глаза дважды обращались ко мне, но зрители снова смотрели на девушек. Они кружились вокруг костра, гогоча в грозное небо, а потом опять начали петь. Джеймс в ужасе смотрел на них пару мгновений, развернулся и бежал от костра.

Все вместе:

*Больше боли, горе злей,
Варево, кипи в котле —
Кожу змея, волчий зуб,
Мощи ведьмы бросим в суп...*

Мередит и Рен продолжали танцевать, движения их были дикими и яростными, а Филиппа подняла котел, который был глубоко закопан в песок. В нем колыхалась зловещая красная жидкость, та же бутафорская кровь, что щипала мне кожу.

Все вместе:

*Больше боли, горе злей,
Варево, кипи в котле.
Павианья кровь, студи,
Крепкий заговор клади.*

Филиппа перевернула котел. Послышался тошнотворный всплеск, и все погрузилось во тьму. Зрители вскочили на ноги, воя от восторга и смятения. Я помчался обратно в укрытие, под деревья.

Когда у озера зажглись фонари – слабые оранжевые лампочки, загадочно мерцавшие вдоль воды, – берег взорвался криками, смехом и аплодисментами. Я согнулся вдвое в прохладной лесной темноте, упершись ладонями в колени и тяжело дыша. Казалось, я только что взбежал по холму. Единственное, чего мне хотелось, – это найти другого четверокурсника и вместе с ним облегченно выдохнуть.

Но тихо отметить не получилось. В честь Хэллоуина требовалась вечеринка масштабов вакханалии, и она не заставила себя ждать. Стоило уйти преподавателям и робевшим студен-

там первого и второго курсов, явились кеги, будто сотворенные какой-то остаточной магией, и в колонках, так жутко усиливавших голос Ричарда, заухала музыка. Первым из воды показался Александр, он шел, спотыкаясь, как восставший утопленник. Поклонники и приятели с других факультетов (первых было много, вторых единицы) окружили его, и он принялся развлекать их рассказом о том, как больше часа бродил по воде. Я еще немного подождал под защитой деревьев, прекрасно понимая, что залит кровью и избежать внимания у меня не выйдет. На берег я отважился вернуться, только когда заметил Филиппу.

Едва я вышел на свет, меня стали громко поздравлять, хлопать по спине и ерошить мне волосы – пока не поняли, какой я липкий. Когда я добрался до Филиппы, в руках у меня были всученные кем-то пластиковые стаканчики с пенившимся пивом.

– Держи, – сказал я, протягивая один ей. – С Хэллоуином.

Она перевела взгляд с моего окровавленного лица на грязные босые ноги, потом обратно.

– Удачный костюм.

Я подергал ее за рукав платья, все еще мокрого и просвечивавшего почти везде.

– Мне твой больше нравится.

Она закатила глаза.

– Думаешь, они нас в этом году всех разденут догола?

– Есть же еще рождественская маска.

– Ох, Господи, типун тебе на язык.

– Остальных видела?

– Мередит пошла искать Голос. Где Джеймс и Рен, понятия не имею.

Александр с извинениями покинул своих слушателей и вклинился между нами, обхватив нас обоих за шею.

– Все прошло наилучшим образом, – сказал он и добавил: – Что за хрень? Оливер, ты засранец.

– Нет, я Банко.

(Он просидел обе мои сцены под лодкой.)

– Пахнешь сырым мясом.

– А ты стоялой водой.

– Туше. – Он ухмыльнулся, потер ладони. – Ну что, начнем вечеринку по-взрослому?

– И как ты предлагаешь это сделать? – спросила Филиппа.

– Бухать, орать, отрываться. – Он нацелил на нее палец. – Если только у тебя нет идеи получше.

Филиппа подняла руки, признавая поражение.

– Веди.

Казалось, Хэллоуин пробуждал в студентах Деллакера какую-то сибаритскую истерию. То, что я о нем помнил по предыдущим трем курсам, быстро забылось, потому что студенты четвертого курса были кем-то вроде знаменитостей. Знакомые, едва знакомые, те, кого я с трудом узнавал, осыпали меня и всех остальных комплиментами, интересовались, сколько мы репетировали, и выражали должное изумление, узнавая, что мы не репетировали вообще. Около часа я принимал предложенные напитки, затягивался косяками и сигаретами, но вскоре начал задыхаться из-за плотной толпы вокруг. Я заозирался в поисках кого-то из своих товарищей, лицедеев четвертого курса. (Александра и Филиппу я потерял, хотя в тот момент не мог вспомнить, когда и как.) Страхнув с себя отчаянно флиртовавшую второкурсницу под предлогом, что мне нужно еще выпить, я нашел выпивку и побрел к краю освещенного пространства. Дышать стало полегче, меня вполне устраивала перспектива какое-то время наблюдать разгул, не участвуя в нем. Я неторопливо попивал пиво, пока не почувствовал, как кто-то коснулся моей руки.

– Привет.

– Мередит.

Она отделилась от группы художников (которые, скорее всего, уговаривали ее попозировать) и пошла за мной из гущи вечеринки. На ней по-прежнему было ведьминское платье, и в затуманенном состоянии, в котором я пребывал, не паять на нее сквозь ткань было невозможно.

– Устал слушать, какой ты потрясающий? – спросила она.

– Они в основном просто хотели потрогать кровь.

Мередит улыбнулась, провела пальцами по моей руке от локтя до плеча.

– Мелкие больные извращенцы. – Она явно хорошо выпила, но пьянела она медленнее нас всех. – С другой стороны, может, они просто хотели потрогать тебя.

Она слизнула бутафорскую кровь с кончика пальца и подмигнула мне, ее густые черные ресницы походили на веера из страусовых перьев. Все это было невыносимо эротично и почему-то меня раздражало.

– Знаешь, – сказала Мередит, – тебе идет вот так, с голым торсом, в крови.

– А тебе без лифчика, завернутой в простыню, – сказал я, не задумываясь, и сарказмом это было лишь наполовину. В голове у меня прокрутилось в замедленной съемке, как Ричард выбивает мне зубы, и я громко добавил: – Где твой парень? По-моему, я его не видел.

– Дуется, пытается не дать мне и всем остальным повеселиться.

Я проследил за ее взглядом до берега, где Ричард в одиночестве сидел на скамейке со стаканом в руке, глядя на праздновавших так, будто находил их тусовку глубоко оскорбительной.

– Что ему опять не так?

– Какая разница. Что-то, как всегда. – Она потянула меня за пальцы. – Идем, тебя Джеймс ищет.

Я отнял руку, но послушно пошел следом, почти допив пиво одним глотком. Ричард смотрел на меня с яростью, я чувствовал его взгляд.

Кто-то снова разжег костер, Джеймс и Рен стояли возле огня, разговаривали и не обращали ни на кого внимания. Пока мы шли к ним, Джеймс предложил Рен свой мундир; она плотно завернулась в него, потом глянула вниз и засмеялась. Подол доходил ей почти до колен.

– Как вы вообще уместились под этим каноэ вчетвером? – спросил Джеймс, когда я подошел поближе и мог их слышать.

– Ну, очень уютно, – ответила Рен. – Я, наверное, раз пять случайно почти поцеловала Александра.

– Как мило. Сейчас он еще выпьет и станет всем рассказывать, как ты по нему сохнешь.

Рен повернулась к нам и ахнула, обеими руками придерживая воротник мундира.

– Оливер, ты меня напугал! Ты по-прежнему жутко выглядишь.

Я: Хотелось бы все это смыть, но вода на вид холодная.

Рен: Да нет, ничего, когда зайдешь по пояс.

Я: Сказала девушка, стоящая у огня в чужом мундире.

– Рен, – вмешалась Мередит, глянув через плечо в сторону скамеек, – пожалуйста, поговори с Ричардом, а? С меня на сегодня хватит.

Рен вымученно улыбнулась нам и произнесла:

– *Любезный мой кузен*²².

Джеймс смотрел, как она пробирается сквозь толпу. Мередит заглянула в его полупустой стакан, забрала и потянулась за моим.

– Вы двое, никуда не уходите, – сказала она. – Вернусь, принесу еще выпить.

– Прекрасно, – ответил я. – Жду не дожусь.

Когда она ушла, Джеймс повернулся ко мне и спросил:

²² У. Шекспир. Король Генрих IV (часть первая). Акт I, сцена 1.

– Все хорошо?

– Да, – ответил я. – Отлично.

По его скептической улыбке я понял, что он мне не верит, но он милосердно сменил тему:

– Знаешь, а у тебя правда жуткий вид. Ты меня до полусмерти напугал, когда вышел из-за деревьев.

– Джеймс, ты сам со мной это сделал.

– Да, но в том темном крохотном сарайчике все было по-другому. Когда ты вышел на свет, да еще с таким лицом...

– Ну, – ответил я, – *кровь придет за кровью*²³.

– Так, я намерен никогда с тобой не ссориться.

– Взаимно, – сказал я. – Из тебя получился на удивление убедительный злодей.

Он пожал плечами.

– Лучше я, чем Ричард. У него такой вид, как будто он убить готов.

Я снова обернулся к скамейкам. Ричард и Рен сидели рядом, склонив друг к другу головы. Он говорил, глядя на собственные руки, и зловеще хмурился, отчего у него омрачалось лицо. Наполовину погребенная тяжесть снова поднялась к поверхности. Я сказал себе, что у меня просто болит живот, что я слишком много выпил, да еще частил.

– *Шум и ярость*, – сказал я, – *не значит ничего*²⁴. Не обращай внимания.

Прошел еще час, а может, два или три. Небо было таким темным, что понять, сколько прошло времени, было невозможно, если только не измерять его количеством выпитого. Я потерял счет после седьмого стакана, но руки у меня все время были заняты. Студенты помладше удалились в Холл, плутая между деревьями, хохоча и ругаясь, когда спотыкались о выступающие корни и обливались остатками пива. Остались только четверокурсники со всех факультетов и несколько третьекурсников из молодых да ранних. Кто-то решил, что расходиться, пока все насквозь не промокнут, нельзя, и начались шаткие, скользкие бои в воде.

После десятка поединков Александр и Филиппа вышли в чемпионы. Они казались скорее одним существом, чем двумя, длинные ноги Филиппы так плотно обхватывали плечи Александра, что они могли сойти за жутких сиамских близнецов. Он стоял по пояс в воде, почти не качаясь, и крепко держал Филиппу за колени. По нему, в отличие от Мередит, сразу было понятно, что он пьян, но это, казалось, только придавало ему неуязвимости.

– Кто еще? – проорал он. – Непобежденные, вот мы кто!

– Если тебя кто-нибудь победит, согласишься закруглиться? – спросил Джеймс.

Мы все сидели на песке, вытянув босые ноги к воде, руки нам оттягивали забытые стаканы. Воздух для октября был не по сезону теплым, но холодные волны лизали нам пальцы, как предвестие приближающейся зимы.

Александр накренился влево и отпустил ногу Филиппы, указав на нас; она схватилась за другую его руку, чтобы не упасть.

– Точно вы, ребят, – сказал он.

Я покачал головой, глядя на Джеймса. Нас вполне устраивало кричать им советы и подбадривать, пока они раздвигались с оставшимися третьекурсниками.

Мередит: Ну, я больше в воду не пойду.

Филиппа: Что такое, Мер? Боишься сыграть по-жесткому?

Около тридцати зрителей завывали и засвистели.

Мередит: Я знаю, что ты делаешь. Ты меня подначиваешь.

Филиппа: Ага. Работает?

Мередит: А то, сучка. Ну, готовься.

²³ У. Шекспир. Макбет. Акт III, сцена 4.

²⁴ У. Шекспир. Макбет. Акт V, сцена 5.

Все заушали, а Филиппа широко улыбнулась. Мередит встала, отряхнулась от песка и позвала через плечо:

– Рик, айда проучим этих придурков.

Ричард, который снизошел и спустился к нам на пляж, но сидел в паре метров позади всех, отозвался:

– Нет. Выставляй себя на посмешище, если хочешь. Я собираюсь остаться сухим.

Новый взрыв смеха, на этот раз злого. (Мередит была для всех предметом восхищения, но еще и зависти, и поэтому каждый ее промах хотя бы некоторые ревниво смаковали.)

– Ладно, – холодно произнесла она. – Выставляю.

Она подхватила юбку и завязала ее узлом высоко на бедре. Вошла в воду, обернулась и спросила:

– Идешь, Оливер?

– Кто, я?

– Да, ты. Кто-то же должен мне помочь утопить этих идиотов, а Джеймс точно, сука, не собирается.

– Она права, – жизнерадостно ответил Джеймс. – Я точно, сука, не собираюсь.

(В отличие от всех нас, кого влекло к Мередит в каком-то биологическом неизбежном смысле, Джеймс, казалось, находил ее показную сексуальность несколько отталкивающей.) Он усмехнулся, глядя на меня.

– Развлекайся.

Мы с Мередит пару мгновений смотрели друг на друга, но ярость на ее лице исключала самую возможность отказа. Люди, с которыми я даже не был знаком, кричали мне что-то ободряющее, пока я немного неуклюже не поднялся.

– Дурацкая затея, – сказал я, обращаясь больше к себе самому.

– Не волнуйся. Я заставлю его, – и Рен толкнула Джеймса локтем, – вместе со мной сразиться с победителями.

Джеймс принялся отнекиваться, но я не слышал, что он говорил, потому что Мередит сгребла меня за руку и потащила в воду.

– На колени, – приказала она.

– Она это явно всем мальчикам говорит, – заметил Александр. – *Где скромность, где же твой девичий стыд, / Стеснения хоть малость?*²⁵

Я бросил на него злобный взгляд, присев в воде. Холод едва не вышиб из меня дух, сковал мне живот и грудь, будто льдом.

– Господи, – сказал я. – Давай быстрее, залезай!

– Он это явно всем девочкам говорит, – подмигнув, произнесла Филиппа. – *Признаться, я не знала, / Что благородства у тебя так мало!*²⁶

– Ладно, – сказал я Мередит, когда в ушах у меня опять забулькал непристойный смех. – Айда, убьем их.

– Вот это настрой!

Мередит перебросила через мое плечо одну ногу, потом вторую, и я едва не уронил ее в ту же секунду. Весила она немного, но я был пьян и до сих пор не понимал насколько. Она продела ступни мне под мышки, и я медленно выпрямился. Пока я пытался найти равновесие, послышались аплодисменты, а я хотел одного – чтобы вода перестала меня толкать и тянуть. Бутафорскую кровь на мне немножко размыло, она змеилась по животу и впитывалась в пояс штанов.

²⁵ У. Шекспир. Сон в летнюю ночь. Акт III, сцена 2.

²⁶ У. Шекспир. Сон в летнюю ночь. Акт II, сцена 2. Перевод М. Лозинского.

Колин, наш самоуверенный молодой Антоний, похоже, взял на себя роль рефери. Он сидел верхом на перевернутом каноэ, сжимая в обеих руках пластиковые стаканчики.

– Дамы, держите когти при себе, – сказал он. – Пожалуйста, никаких выцарапанных глаз. Первый, кто собьет девушку в воду, победил.

Я попытался сосредоточить взгляд на Александре, гадая, как его опрокинуть. По обе стороны моего лица блестели мокрые бедра Мередит, собраться было сложно.

– *Ну и фальшивка!* – радостно произнесла Филиппа. – *Кукла, вот ты кто!*²⁷

– *А, вот что за игра,* – сказала Мередит. – *Я, значит, ниже? Ты, майский шест раскрашенный, скажи!*

– *Как разозлится, удержу ей нет!* – ответила Филиппа. – *Она была еще и в школе стервой!*

Новый взрыв смеха и улюлюканья.

– *И вы позволите ей надо мной смеяться?* – сказала Мередит. – *А ну, пустите к ней!*²⁸

И мы рванулись вперед. Я шатался под Мередит, стараясь удержаться на ногах. Девушки яростно сцепились, бурление воды и дикий оглушительный хохот Александра сбивали с толку. Мередит потеряла равновесие, смещение ее веса резко качнуло меня назад.

Я дернулся в противоположную сторону и врезался в Александра. Филиппа едва не лягнула меня в лицо, все вокруг закружилось, но в ту же секунду у меня родилась мысль. Я снова боднул Александра, а увидев, как мелькнула белая ступня Филиппы, рискнул и отпустил Мередит, чтобы схватить Филиппу за ногу. Нас накренило вбок, но я заорал:

– Мередит, давай!

Я подбросил ступню Филиппы вверх, а Мередит с силой ее толкнула. Филиппа мгновенно завалилась назад, увлекая за собой Александра, на краткий миг они зависли, отчаянно размахивая руками, а потом дружно рухнули в воду. Нас с Мередит повело вправо, я снова ухватил ее свободной рукой за бедро. Зрители хлопали и орали, но я их почти не слышал, потому что Мередит сжала мою голову ногами, вцепившись одной рукой мне в волосы. Все поплыло у меня перед глазами, я развернулся на месте и попытался улыбнуться.

Филиппа и Александр вынырнули, кашляя и отплевываясь.

– Так, – сказал Александр. – Дайте мне выпить, кто-нибудь. Я всё.

– По-моему, мы все – всё, – ответила Филиппа.

– Нет-нет, – к моему ужасу, произнесла Мередит. – Рен сказала, что сыграет с победителями.

Колин ударил по борту каноэ.

– Поддерживаю!

– Я готова, если Джеймс готов, – сказала Рен.

Я вытер воду с глаз и взглянул на Джеймса. Он сидел на песке с робкой полуулыбкой. Внезапно мне захотелось, чтобы он сыграл.

– Давай, Джеймс, – сказал я. – Дай нам выставить тебя дураком, и разойдемся по домам.

– Давайте, отомстите за нас, – подала голос Филиппа, стоявшая на берегу и отжимавшая юбку.

– Ну, – сказал он, – если надо.

Рен поднялась на ноги и протянула руки Джеймсу, чтобы помочь ему встать. Она завязала юбку куда более скромным узлом, чем Мередит, и пошла в воду. Некоторые зрители уже ушли, но человек десять осталось, они ободряюще кричали ей вслед. Мередит у меня на плечах становилась все тяжелее, и я слегка сдвинул ее вперед. Она убрала мне волосы с глаз кончиками пальцев и сказала:

²⁷ У. Шекспир. Сон в летнюю ночь. Акт III, сцена 2.

²⁸ Там же.

- Ты как там внизу?
- Слишком пьян для всего этого.
- Ты мой герой.
- Всегда об этом мечтал.

Рен добрела до нас и заметила:

- Господи, а холодно-то как!

– *Больно бурная ночь, чтоб купаться*²⁹, – поморщился Джеймс, идя следом за Рен. – Давай я тебе помогу.

Он присел, как я, и взял Рен за руку, когда она перебрасывала ногу ему через плечо.

Но прежде чем она забралась верхом на Джеймса, раздался голос, который мы этой ночью почти не слышали:

- Вообще, думаю, пора с этим заканчивать.

Я медленно и осторожно обернулся. Ричард, нахмурившись, стоял у воды.

- Ты не захотел играть, – сказала Мередит. – С чего вдруг тебе высказываться?

- Мы же просто дурака валяем, – добавила Рен.

Она залезла только наполовину и сидела у Джеймса на плече, как попугай. Джеймс не сводил глаз с Ричарда.

- Это все бред собачий, и кто-нибудь покалечится. Слезай.

– Да ладно, Рик, – сказал Александр, растянувшийся на песке с очередным стаканом. – Все с ней будет нормально.

- Заткнись, – ответил Ричард. – Ты напился.

- А ты нет? – спросила Филиппа. – Остынь, это просто игра.

- Иди в жопу, Филиппа, тебя это не касается.

- Ричард! – воскликнула Рен.

Филиппа в ярости уставилась на него; рот у нее был приоткрыт от изумления.

– Так, судя по всему, представление окончено, – сказал Колин, сползая с каноэ. – Давайте, ребята, расходитесь.

Несколько оставшихся зрителей, недовольно бурча, потянулись прочь. Колин помешкал, глядя то на Ричарда, то на нас, как будто спрашивал себя, нужен ли нам еще рефери.

– Может, вы двое уже разлепитеесь? – спросил Ричард, и его голос разнесся над водой, словно усилившись по волшебству.

– А, понятно, – сказала Мередит. – Тебе нож острый, что мы тут отрываемся, потому что ты очень занят своими обидками? Потому что в кои-то веки тебе не пришлось выходить на поклон?

Лицо Ричарда побелело – помертвело, – и я стиснул колени Мередит, пытаясь ее предостеречь, чтобы она не сказала лишнего. Она то ли не почувствовала, то ли не поняла, то ли плевать хотела.

- В жопу, – сказала она. – Не всегда всё крутится вокруг тебя.

- Это прям блеск – в исполнении чемпионки мира по выпендрежу.

- Ричард, какого черта?

От прилива ярости у меня вдруг стало горячо в голове. Я непроизвольно крепче ухватил Мередит за ноги. Инстинктивное стремление защитить ее было неожиданным и безосновательным, но я не успел растеряться. Мередит угрожающе молчала.

Ричард начал говорить что-то еще, но его перебил Джеймс.

– Хватит, – сказал он таким ледяным тоном, какого я раньше не слышал. – Пойди проветришься и возвращайся, когда остынешь, ладно?

У Ричарда почернели глаза.

²⁹ У. Шекспир. Король Лир. Акт III, сцена 4.

– Убери руки от моей сестры, и я...

– И ты – что? – Рен прыгнула в воду, но осталась стоять возле Джеймса. – Что с тобой такое? Это просто игра.

– Ну ладно, – сказал Ричард, заходя в воду. – Давайте поиграем. Рен, шевелись, моя очередь.

– Ричард, не будь идиотом. – Мередит сбросила ногу с моего плеча, и я обхватил ее за талию, чтобы помочь спуститься. Освободившись от ее тяжести, я словно наполнился гелием. Я с усилием заморгал, чтобы прояснилось в голове.

– Нет, я хочу играть, – повторил Ричард. Сколько он выпил? Он говорил четко, но двигался развинченно и небрежно. – Рен, уйди с дороги.

– Хватит, Ричард, она ничего не сделала, – сказал я.

Он обернулся ко мне.

– А ты не волнуйся, тобой я займусь через минутку.

Я отшатнулся. Шансы мои, если Ричард был настроен с кем-то подраться, мне совсем не нравились.

– Оставь его в покое, – резко произнес Джеймс. – Он взялся играть только потому, что ты не захотел, просто по доброте.

– Да, мы же все в курсе, какой Оливер добрый. Какой милый.

– Ричард, – вмешалась Мередит. – Не веди себя как мудака.

– А я и не веду, теперь я хочу играть. Давай, я думал, ты хочешь сыграть в последний раз. – Он потянулся за спину Рен и толкнул Джеймса. Тот с тихим всплеском пошатнулся.

– Ричард, остановись! – сказала Рен.

– А что такое? – спросил он. – Еще разок сыграем!

Он снова пихнул Джеймса, и Джеймс оттолкнул его руку.

– Ричард, предупреждаю...

– Что? Я хочу поиграть.

– Я не играю, – произнес Джеймс, напрягшись всем телом. – Больше так не делай.

– То есть с девочками, с Александром и Оливером ты играешь, а со мной нет? – не унимался Ричард. – ДА ЛАДНО!

– Ричард, хватит!

Мы крикнули это хором, но мы слишком долго мешкали. Он снова толкнул Джеймса, вовсе не в шутку. Джеймс тяжело рухнул в озеро, ударив руками по поверхности в попытке удержать равновесие. Едва поднявшись, он бросился на Ричарда, навалился на него всем своим весом, протаскивал назад. Вода вокруг них заплескалась, но Ричард только хохотал – он был настолько крупнее, что ни о какой честной драке не могло быть и речи. Я рванул к ним, с трудом переставляя ноги, и тут смех Ричарда перешел в рычание, и он окунул Джеймса в воду лицом вниз.

– РИЧАРД! – заорал я.

Возможно, он не услышал меня из-за того, как барахтался Джеймс, а возможно, просто сделал вид, что не услышал. Он держал Джеймса под водой, одной рукой обхватив его за шею. Джеймс колотил его кулаком в бок, но я не понимал, отбивается он или просто пытается освободиться. Девушки, Колин и Александр бросились к ним, но я успел первым. Ричард стряхнул меня, мне в лицо ударила холодная вода, заливаясь в рот и в нос. Я снова кинулся на него, вцепился, как паразит.

– ПРЕКРАТИ! ОН ЗАХЛЕБНЕТСЯ...

Он ударил меня плечом в подбородок, и я чуть не откусил себе язык. Откуда-то появился Колин, стал тянуть Ричарда за руку, которой тот держал Джеймса, а я орал:

– ТЫ ЕГО УТОПИШЬ, МУДАК, ПРЕКРАТИ!

Мерedit схватила Ричарда за шею, Филиппа повисла у него на локте, и, когда он наконец отпустил Джеймса, мы сплелись в один клубок, а вокруг нас колыхалась ледяная зловещая вода.

Джеймс вынырнул, хватая воздух, и я поймал его, чтобы он снова не ушел под воду.

– Джеймс, – спросил я, – Джеймс, ты как?

Он обхватил меня рукой за шею, задыхаясь, выкашливая воду с желчью, заливая себе грудь.

Мерedit била Ричарда в грудь кулаками, кричала, гнала его из воды на берег.

– Ты спятил? Ты его убить мог!

– Да что с тобой? – орала Рен; у нее срывался голос, а по щекам лились слезы.

– Джеймс? – Я, как мог, пытался его поддержать, неуклюже обвинив руками его грудную клетку. – Дышать можешь?

Он слабо кивнул, снова закашлялся, его глаза были плотно зажмурены. У меня напряглось горло, натянулось, как тетива.

– Божечки-кошечки, – тихо сказал Колин. – Это что сейчас было?

– Не знаю, – сказала Филиппа, стоявшая между нами; она была совершенно вымотана, ее трясло. – Давайте его из воды выведем.

Мы с Колином помогли Джеймсу выбраться на берег, он осел на песок и повалился набок. Мокрые волосы залепили ему глаза, при дыхании он дрожал всем телом. Я присел рядом с ним, над нами склонилась Филиппа. Александр, казалось, лишился дара речи. Колин был в ужасе. Рен тихо плакала, от всхлипов у нее подергивались плечи. Я никогда не видел Мерedit такой злой, щеки у нее пылали даже в слабом свете луны. А Ричард просто стоял в стороне с растерянным видом.

– Ричард, – осторожно произнес Александр, – это был трындец.

– С ним все в порядке, да? Джеймс?

Джеймс смотрел на него снизу вверх, лежа на песке, взгляд у него был ясный и твердый, как сталь. Повисла тишина, и у меня вдруг возникло дурацкое чувство, что и мы, и все вокруг нас стеклянное. Я боялся дышать, боялся двигаться, боялся, что что-то разобьется вдребезги.

– Мы просто играли, – сказал Ричард со смутной улыбкой. – Это просто игра.

Мерedit шагнула вперед и встала между Ричардом и всеми нами.

– Уходи, – сказала она. Он открыл рот, собираясь ответить, но она его прервала: – Возвращайся в Замок и ложись, пока не натворил что-то настолько тупое, чтобы тебя исключили.

Она была похожа на фурию, глаза у нее горели, волосы мокрыми спутанными жгутами лежали на плечах.

– Уходи. Сейчас же.

Ричард злобно посмотрел на нее, потом на всех нас, развернулся и пошел вверх по склону. По мне прокатилась волна облегчения, и закружилась голова, будто кровь вернулась в отсиженную конечность.

Когда Ричард скрылся из вида в тени под деревьями, Мерedit сдулась.

– Господи. – Она согнулась, прижала основания ладоней к глазам, рот у нее кривился, словно она старалась не заплакать. – Джеймс. Ужас какой.

Он оттолкнулся от песка и сел, скрестив ноги.

– Все хорошо, – сказал он.

– Не хорошо. – Она так и закрывала руками лицо.

– Ты не виновата, Мер, – сказал я.

Мысль о том, что Мерedit может заплакать, казалась такой дикой, от нее было так не по себе; я не был уверен, что смогу на это смотреть.

– Ты за него не отвечаешь, – сказала Филиппа.

Она взглянула на Рен; та смотрела в землю, по лицу у нее бежали слезы, собираясь на подбородке, прежде чем упасть на песок.

– Никто из нас не отвечает.

– *Ночь бурная случилась*³⁰, – произнес Александр, ставший куда трезвее, чем полчаса назад. – Господи, ну и бардак.

Мерedit наконец опустила руки. Глаза у нее были сухие, но губы потрескались и побледнели, казалось, ее сейчас вырвет.

– Не знаю, как вы, а я хочу помыться, лечь и притвориться, что ничего не было, – часов на восемь хотя бы.

– Думаю, поспать никому не повредит, – сказала Филиппа, и все согласно загудели.

– Вы идите, – сказал Джеймс. – Я просто... Я еще минутку посижу.

– Уверен? – спросил Колин.

– Да, все хорошо. Просто посижу.

– Ну ладно.

Мы медленно поплелись прочь с берега. Мерedit пошла первой, в последний раз виновато взглянув на Джеймса – и почему-то на меня. За ней, обняв Рен за плечи, шла Филиппа. Колин и Александр вместе побрели по тропинке. Я замешкался, сделав вид, что мне нужно забрать костюм из сарая. Когда я вышел, Джеймс так и сидел там, где мы его оставили, и смотрел на озеро.

– Посидеть с тобой? – спросил я. Я не хотел его оставлять.

– Пожалуйста, – тихо отозвался он. – Я просто не мог с ними, не сейчас.

Я бросил вещи на песок и сел рядом с Джеймсом. Во время праздника незаметно кончилась гроза. Небо было ясным и тихим, звезды с любопытством глядели на нас с просторного темно-синего свода. Вода тоже улеглась, и я подумал, какие же они лжецы, небо и вода. Тихие, спокойные, ясные, будто все хорошо. Хорошо не было, и в общем-то уже никогда не могло стать хорошо.

Несколько упрямых капель воды так и держались у Джеймса на щеках. Что-то в нем изменилось, он не был прежним. Казался таким хрупким, что я боялся к нему прикоснуться. Он что-то хотел сказать – возможно, позвать меня по имени, – но у него вышла только тень звука, и он замолчал, прижав к губам тыльную сторону руки. У меня болело в груди, но боль была глубже мышц и костей, словно что-то острое пробило во мне дыру. Я отважился прикоснуться к Джеймсу. Он судорожно выдохнул, потом задышал свободнее. Мы долго сидели рядом, молча, моя рука лежала у него на плече.

Озеро, обширная темная вода, маячило в глубине каждой сцены, которую мы играли после, – как декорация из когда-то поставленной нами пьесы, сдвинутая вглубь кулис, где о ней быстро забыли бы, если бы нам не приходилось каждый день ходить мимо. Что-то непоправимо изменилось в те несколько мрачных минут, что Джеймс провел под водой, как будто нехватка кислорода заставила все наши молекулы перестроиться.

³⁰ У. Шекспир. Макбет. Акт II, сцена 3.

Акт 2

Пролог

Когда я впервые за десять лет выхожу за ворота учреждения, солнце висит слепящим белым шаром в сером, как помои, небе. Я забыл, какой огромный снаружи мир. Сперва меня парализует его простор, как золотую рыбку, которую неожиданно выплеснули в океан. Потом я вижу Филиппу, прислонившуюся к машине, в ее очках-авиаторах отражается свет. Я едва удерживаюсь, чтобы не броситься к ней бегом.

Мы обнимаемся сурово, по-братски, но я не отпускаю ее дольше, чем брат. Она такая надежная и знакомая: я впервые за слишком долгое время встречаюсь с равнодушным ко мне человеческим существом. Я зарываюсь лицом в ее волосы. Они пахнут миндалем, я вдыхаю глубоко, как только могу, прижимаю ладони к ее спине, чтобы ощутить, как у нее бьется сердце.

– Оливер.

Она вздыхает и стискивает мой затылок. На одно дикое мгновение мне кажется, что я сейчас расплачусь, но, когда я отпускаю Филиппу, она улыбается. Она совсем не изменилась. Конечно, она приезжала меня повидать каждые две недели с тех пор, как меня посадили. Она и Колборн, больше никто.

– Спасибо, – говорю я.

– За что?

– За то, что ты тут. Сегодня.

– *Несчастный пленник мой*, – произносит она, прикладывая ладонь к моей щеке. – *Я, как и ты, невинна*³¹. – Ее улыбка гаснет, она убирает руку. – Ты точно этого хочешь?

Я и правда пару секунд обдумываю, хочу ли. Но с тех пор, как меня в последний раз посетил Колборн, я только этим и занимался, и я все решил.

– Да, точно.

– Хорошо. – Она открывает водительскую дверь. – Садись.

Я забираюсь на пассажирское сиденье, где лежат аккуратно свернутые футболка и мужские джинсы. Пока Филиппа заводит машину, я перекладываю вещи себе на колени.

– Это чье, Мило?

– Он возражать не станет. Я подумала, ты не захочешь вернуться в той же одежде, в которой был.

– Это другая одежда.

– Ты понимаешь, о чем я, – говорит она. – Она тебе мала. Ты, похоже, набрал килограммов десять. Разве в тюрьме большинство не худеет?

– Нет, если хотят выйти целыми и невредимыми, – отвечаю я. – К тому же заняться-то особо нечем.

³¹ У. Шекспир. Зимняя сказка. Акт II, сцена 2.

– То есть ты постоянно тренировался? Говоришь, как Мередит.

Боясь, что покраснею, я стягиваю майку и надеюсь, что Филиппа не заметит. Она, кажется, смотрит на дорогу, но очки у нее зеркальные, так что не поймешь.

– Как она? – спрашиваю я, разворачивая другую майку.

– Ну, явно не бедствует. Мы особо не общаемся. Никто из нас.

– А Александр?

– По-прежнему в Нью-Йорке, – говорит Филиппа, и это не ответ на мой вопрос. – Присоединился к какой-то труппе, которая делает серьезные иммерсивные вещи. Сейчас играет Клеопатру в складском помещении, среди песка и живых змей. Чистый Арто. Потом они ставят «Бурю», но это, возможно, будет его последняя работа.

– Почему?

– Потому что они хотят взять «Цезаря», а он говорит, что ни за что больше в эту пьесу не пойдет. Он считает, что она нас всех поломала. Я ему все повторяю, что он неправ.

– Думаешь, это «Макбет» нас всех поломал?

– Нет. – Она останавливается на светофоре и смотрит на меня. – Думаю, мы все изначально были поломанные.

Машина снова рычит, оживая, переходит на первую передачу, потом на вторую.

– Не знаю, так ли это, – говорю я, но больше мы этой теме не касаемся.

Какое-то время мы едем в молчании, потом Филиппа включает магнитолау. Она слушает аудиокнигу – Айрис Мердок, «Море, море». Я несколько лет назад читал ее в камере. Помимо тренировок и надежды, что тебя не заметят, это всё, что остается в тюрьме шекспироведу-слетку. К середине своего десятилетнего срока я был вознагражден за хорошее (то есть незаметное) поведение работой по расстановке книг на полки вместо чистки картошки.

Я знаю сюжет и поэтому едва слушаю слова. Спрашиваю Филиппу, можно ли опустить окно, и высовываю голову наружу, как собака. Филиппа надо мной смеется, но ничего не говорит. Свежий воздух Иллинойса невесомо и летуче скользит по моему лицу. Я смотрю на мир сквозь ресницы, и меня тревожит, какой он яркий, даже в этот пасмурный день.

Мысли мои бредут в сторону Деллакера, и я гадаю: узнаю ли я его? Может быть, Замок снесли, спилили деревья, чтобы освободить место для настоящего общежития, поставили забор, чтобы не пускать детишек к озеру. Может быть, теперь он похож на детский летний лагерь, такой же стерильный и безопасный. А может быть, он, как Филиппа, вообще не изменился. Я по-прежнему вижу его пышным, зеленым и диким, как будто слегка зачарованным, вроде Оберонова леса или острова Просперо. О таких волшебных местах кое-что не рассказывают – о том, что опасны они настолько же, насколько красивы. С чего бы Деллакеру быть другим?

Проходит два часа, машина припаркована на длинной пустой дорожке перед Холлом. Филиппа выходит первой, я не спеша следую за ней. Сам Холл такой же, как был, но я смотрю за него, на озеро, сверкающее под бескровным солнцем. Окружающий его лес такой же густой и дикий, каким я его помню, деревья яростно вонзаются в небо.

– Ты как, нормально? – спрашивает Филиппа.

Я так и стою возле машины.

– *Мир не видал чуднее лабиринта*³².

Возле моего сердца тихо трепещет паника. На мгновение мне снова становится двадцать два, и я смотрю, как ускользает сквозь пальцы моя невинность со смешанными в равных долях увлеченностью и ужасом. Десять лет я пытался объяснить Деллакер во всем его сбившемся с пути великолепии мужчинам в бежевых комбинезонах, которые не учились в колледже, а иногда и школу не окончили, – и понял то, что студентом упрямо не хотел замечать: Деллакер

³² У. Шекспир. Буря. Акт V, сцена 1.

был не столько академическим заведением, сколько сектой. Когда мы впервые вошли в эти двери, мы не знали, что стали частью странной фанатичной религии, в которой прощалось всё, если только оно было приношением на алтарь Муз. Ритуальное безумие, экстаз, человеческие жертвоприношения. Нас околдовали? Промыли нам мозги? Возможно.

– Оливер? – уже мягче спрашивает Филиппа. – Ты готов?

Я не отвечаю. Никогда не был.

– Идем.

Я бреду следом за ней. Я собирался с силами, чтобы пережить потрясение от возвращения в Деллакер, – изменившийся или нет, – но чего я не ждал, так это внезапной боли в груди, похожей на тоску по былой любви. Я скучал по нему, отчаянно.

– Где он? – спрашиваю я, поравнявшись с Филиппой.

– Он хотел подождать в «Свинской голове», но я не была уверена, стоит ли тебе пока туда заходить.

– Почему нет?

– Там половина персонала та же. – Она пожимает плечами. – Я не знала, готов ли ты с ними увидеться.

– Я бы больше волновался о том, что они не готовы видеть меня, – отвечаю я, потому что знаю, что именно это она на самом деле думает.

– Да, – говорит она. – И это тоже.

Она ведет меня через центральный вход – герб Деллекера, Ключ и Перо, неодобрительно смотрит на меня сверху, словно хочет сказать: тебя здесь больше не рады видеть. Я не спросил Филиппу, кто еще знает, что я вернулся. Сейчас лето, студенты разъехались, но преподаватели часто задерживаются. Вдруг я поверну за угол и столкнусь нос к носу с Фредериком? Гвендолин? Боже упаси, с деканом Холиншедом.

В Холле непривычно пусто. Наши шаги эхом отдаются в широких коридорах, обычно так плотно забитых народом, что любой тихий звук просто затапывают. Я с любопытством заглядываю в музыкальный зал. На окнах висят длинные белые полотнища, свет широкими бледными полосами падает на пустые кресла. Кажется, здесь живут призраки, как в заброшенном соборе.

В кафетерии тоже почти никого. За одним из студенческих столов, обнимая ладонями чашку кофе и явно не на своем месте, сидит Колборн. Он поспешно поднимается, протягивает мне руку. Я пожимаю ее, не колеблясь, я неожиданно рад его видеть.

Я: Шеф.

Колборн: Уже нет. На прошлой неделе сдал значок.

Филиппа: А чего вдруг?

Колборн: Да идея жены, в общем-то. Говорит, если я собираюсь и дальше постоянно рисковать, что меня подстрелят, по крайней мере мне должны за это хорошо платить.

Филиппа: Как трогательно.

Колборн: Вам бы она понравилась.

Филиппа смеется и отвечает:

– Возможно.

– А вы как? – спрашивает он. – По-прежнему здесь?

Он оглядывает пустые столы, лепные карнизы потолка, словно не совсем понимая, где находится.

– Ну, мы живем в Бродуотере, – отвечает Филиппа.

Полагаю, «мы» относится к ней и Мило. Я не знал, что они съехались. Она для меня почти такая же загадка, какой была десять лет назад, но от этого я ее ничуть не меньше люблю. Я лучше многих знаю, что такое истово хранить тайны.

– Летом мы здесь не часто бываем.

Колборн кивает. Интересно, ему по-прежнему с ней неловко? Он знает меня – когда-то он всех нас знал, – но сейчас? Он смотрит на нее и видит подозреваемого? Я пристально за ним наблюдаю, надеясь, что не придется напоминать ему о нашей сделке.

– Да и с чего бы, – довольно дружелюбно произносит он.

– Надо определиться с репертуаром на будущий год, но это можно делать и в городе.

– Есть идеи?

– Думаем про «Двенадцатую ночь» с третьекурсниками. У нас там двое с общей ДНК, впервые после... ну, после Рен и Ричарда. – Повисает краткое неуютное молчание, потом Филиппа продолжает: – А что делать на четвертом, понятия не имеем. Фредерик хочет расширить репертуар и попробовать «Зимнюю сказку», но Гвендолин настаивает на «Отелло».

– Хороший в этом году курс?

– Из лучших. В кои-то веки набрали больше девочек, чем мальчиков.

– Ну, это точно неплохо.

Они обмениваются быстрыми ухмылками, потом Филиппа подчеркнуто смотрит на меня.

Едва заметно поднимает брови. Сейчас или никогда.

Я поворачиваюсь к Колборну, воспроизвожу ее выражение лица. Он смотрит на часы.

– Пройдемся?

– Как скажете, – отвечаю я.

– Хорошо, – говорит он мне; потом обращается к Филиппе: – Вы с нами?

Она качает головой, каким-то образом хмурясь и улыбаясь одновременно.

– Мне незачем, – говорит она. – Я там была.

Колборн сощуривает глаза. Филиппу это не смущает, она касается моей руки, произносит:

– Увидимся вечером, – и выходит из кафетерия, а за ее спиной повисают в воздухе незадаанные вопросы Колборна.

Он смотрит ей вслед, потом спрашивает:

– Она много знает?

– Всё.

Он хмурится, глаза почти исчезают под густыми бровями.

– Все всегда забывают про Филиппу, – добавляю я. – А потом всегда об этом жалеют.

Он вздыхает, словно у него нет сил по-настоящему разозлиться. Задумчиво смотрит на свой кофе, потом оставляет его на столе.

– Ну, – говорит он, – веди.

– Куда?

– Тебе лучше знать.

Я молча размышляю. Потом сажусь. Можно и здесь.

Колборн нехотя усмехается.

– Кофе хочешь?

– Не откажусь.

Он скрывается в кухне, где стоят в углу две кофеварки. (Они там по меньшей мере четырнадцать лет. Всегда полны, хотя я никогда – даже студентом – не видел, кто их наполняет.) Колборн возвращается с полной кружкой, ставит ее передо мной. Я смотрю в молочный водоворот, пока он садится на тот же стул, что и раньше.

– С чего мне начать? – спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

– С чего считаешь нужным. Понимаешь, Оливер, я хочу знать не только что произошло. Но и как, и почему, и когда. Я хочу разобраться.

Впервые за долгое время небольшой разрыв посреди меня, черный кровоподтек на душе, который я пытался излечить почти десять лет, начинает ныть. Меня медленно заполняют прежние чувства. Горечь и сладость, разлад и смятение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.